

СТУДІЯ

ЖУРНАЛЪ

ИСКУССТВА И СЦЕНЫ

МОСКВА, 3 МАРТА 1912 Г.

№ 22

ЦѢНА 25 К.

Театръ К. НЕЗЛОБИНА.

Телеф. 71-61.
(ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ).

РЕПЕРТУАРЪ:

Въ Воскресенье, 4-го марта, УТРОМЪ: Въ золотомъ домъ.
ВЕЧЕРОМЪ: Псиша.

Въ Понедѣльникъ, 5-го марта: Псиша.

Во Вторникъ, 6-го марта: Псиша.

Въ Среда, 7-го марта: Псиша.

Въ Четвергъ, 8-го марта: Псиша.

Въ Пятницу, 9-го марта: Псиша.

Въ Субботу, 10-го марта: Псиша.

Въ Воскресенье, 11-го марта: УТРОМЪ—Бумъ и Юла;
ВЕЧЕРОМЪ—Псиша.

ПОДРОБНОСТИ ВЪ АФИШАХЪ.

Билеты продаются въ кассъ театра отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера.

Пом. Директора П. Мамонтовъ.

„ТЕАТРЪ МИНИАТЮРЪ“

Тверская ул., Мамоновскій пер., домъ Шаблыкина.

Дирекція М. АРЦЫБУШЕВОЙ.

ВЪ ВЕЧЕРЪ ТРИ СПЕКТАКЛЯ.

Начало 1-го представлѣнія въ 7 $\frac{1}{2}$ час. вечера, 2-го — въ 9 час. вечера и 3-го — въ 10 $\frac{1}{2}$ час. вечера.
Окончаніе около 12 час. ночи. Каждый спектакль состоитъ изъ 3-хъ самостоятельныхъ музыкально-драматическихъ и балетныхъ пьесъ.

ЦѢНЫ МѢСТАМЪ отъ 1 р. 50 к. до 40 к. Билеты продаются съ 11 час. утра въ кассъ театра.

ТЕЛЕФОНЪ 311-58.

ТЕЛЕФОНЪ 311-58.

ВЪ ЗАЛѢ КУПЕЧЕСК. КЛУБА (Мал. Дмитровка) ВЪ СУББОТУ, 10-го МАРТА

состоится вечеръ МЕЛОПЛАСТИКИ

ФРАНЧЕСКИ БЭАТА

при участіи Симф. орк. подъ упр. А. А. Литвинова.

ПРОГРАММА:

I.

Сюита Пэръ-Гюнтъ I-я.—Э. Грига.

- а) Утро.
- б) Смерть Озе.
- в) Танецъ Анитры.
- г) Пѣснь Сольвэйги.
- д) У короля горь.

II.

- 1) Пляска смерти. — Сень-Санса.
- 2) Смерть Изольды. — Вагнера.
- 3) „Valse Caprice“ — Рубинштейна.
- 4) Менуэтъ (жатва). — Падаревского.
- 5) Мазурка ор. 33. — Шопена.

Начало концерта въ 9 час. вечера.

Билеты отъ 7 р. 10 к. до 1 р. можно получать: въ магазинъ Циммерманъ (Кузнецкій мостъ), Чекато (Камергерскій пер.), Юргенсонъ (Неглин. пр.), „Эврика“ (Б. Никитская), а въ день концерта отъ 7 час. вечера въ кассъ клуба.

ПОСМЕРТНАЯ ВЫСТАВКА

КАРТИНЪ, ЭТЮДОВЪ, КАРТОНОВЪ, ЭСКИЗОВЪ и РИСУНКОВЪ

ПРОФЕССОРА ЖИВОПИСИ

В. П. ВЕРЕЩАГИНА

(Духовнаго, былиннаго, библейскаго, историческаго и др. содержан.).

Въ галереѣ Лемерсье, Петровка, Салтыковскій пер. Телефонъ 169-37.

ЕЖЕДНЕВНО отъ 10 до 5 час. Δ ВХОДЪ 50 к. учащ. 25 к.

СТУДІЯ

№ 22.

3-го Марта

1912 г.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Жизнь актера, статья *К. и О. Ковальских*; 2) Несколько словъ о приемахъ театральной критики, статья *Вас. Сахновскаго*; 3) Петербургскія письма, статья *Л. Василевскаго*; 4) Прекрасная душа, статья *П. Линдау*; 5) По поводу стариннаго театра, замѣтка *Вас. Сахновскаго*; 6) „Гнѣвъ Ахиллеса“, статья *А. Лютера*; 7) Памяти Д. М. Вадимовой, замѣтка *П. Гинта*; 8) „Missa Solemnis“, статья *Риземана*; 9) Письмо Антона Рубинштейна; 10) Современная оперетка, статья *П. Эртель*; 11) Художественныя письма изъ Петербурга, статья *В. Воинова*; 12) Наши приложения; 13) Свистокъ; 14) Мелочи иностранной жизни, замѣтка *Э. Пименовой*; 15) Хроника; 16) Театральное бюро; 17) Провинціальная хроника и Провинція; Наши приложения: Современная индійская живопись—Богиня Дурга; 4 рисунокъ худ. *И. Замтлера*; 3 индійскія любочныя картины; 2 карриатуры *Деве* и 1 *Эльскаго*; Портретъ Маріи Салле; 5 портретовъ артистовъ.

ЖИЗНЬ АКТЕРА.

КЕШЕ недѣля и законченъ великопостный сезонъ, закончено „хождение по мукамъ“ въ театральномъ бюро, подведены итоги „актерскаго слета“. Была ли въ этомъ году картина „купли и продажи“, „спроса и предложенія“ иная, чѣмъ въ прошломъ, позапрошломъ и тѣхъ другихъ, давно канувшихъ въ вѣчность, годахъ? Было ли больше спокойствія, увѣренности въ сдѣлкахъ, болѣе твердый, опредѣленный планъ въ выборѣ антрепренерами артистовъ, въ формированіи труппъ? Или все то же, все такъ же, какъ и всегда? Лихорадочные поиски премьеровъ и премьершъ? Погоня за знаменитостями? Выживание „именъ“ изъ сѣрой актерской массы, взвинченныя цѣны на фаворитовъ и... полная случайность, полная хаотичность въ наборѣ остальной труппы на „маленькіе оклады“?

Да, картина осталась все та же.

Съ одной стороны—избранники, котирующіеся на актерской биржѣ вздутыми цѣнами; съ другой стороны—сѣрая масса, ходящая воблой, ходящая „сотнями“, „пачками“, съ продырявленными локтями и подведенными желудками.

Съ одной стороны—воплъ антрепренеровъ: „нѣтъ хорошихъ артистовъ, нѣтъ режиссеровъ“; съ другой—цѣлая армія артистической богемы, готовой поступить куда угодно и на какія угодно условія, лишь бы не остаться „не у дѣла“.

Тупикъ, западня, въ которой одинаково мечутся и не находятъ себѣ выхода и артисты-работники и антрепренеры-работодатели.

И это, несмотря на то, что каждый годъ и казенныя и частныя театральныя школы подсыпаютъ, какъ изъ рога изобилія, новыхъ любовниковъ, героинь и простаковъ, снабжаютъ рынокъ новыми и совершенно свѣжими силами. Но увы, нѣтъ среди нихъ высокихъ талантовъ, нѣтъ Ермоловыхъ, Коммисаржевскихъ, Щепкиныхъ, Мочаловыхъ. А если и блеснетъ гдѣ-нибудь на провинціальной сценѣ звѣздочка, если появится что-нибудь яркое, самобытное, то уже столичные театры сумѣютъ взять „ходкій товаръ“, и опять пустуетъ про-

винціальная сцена, опять вздыхаютъ антрепренеры и скорбятъ о томъ, что „нѣтъ хорошаго актера, что перевелся хорошій актеръ и, что изъ той стаи, которая плотной стѣной стоитъ въ бюро, выбрать почти некого... Много ихъ, а что толку?“... Въ чемъ же корень зла, въ чемъ причина такого ужаснаго, ненормальнаго положенія? Дѣйствительно ли, такъ безутѣшно бездаренъ сталъ современный средній артистъ, такъ безсиленъ и блѣденъ, въ сравненіи съ прежними „столпами“?

Нѣтъ, средній, провинціальный артистъ остался все тѣмъ же, и въ этомъ весь несознанный и неосоздаваемый ужасъ его положенія. Жизнь и репертуаръ опередили его, переросли, подошли къ нему съ цѣлымъ рядомъ новыхъ требованій, новыхъ возможностей... Прежде, въ тѣ добрыя, старыя времена, о которыхъ такъ вздыхаютъ „взыскующіе града“, всѣ формы театральной техники были опредѣленныѣ, неподвижныѣ, ограниченныѣ; въ распоряженіи актера существовалъ несложный, но всегда вѣрно дѣйствующій механизмъ, испытанный и никогда не измѣнявшій средства: любовникъ зналъ, что, поднявъ глаза къ небу, нужно ударить себя въ грудь и преклонить колѣно; благородный отецъ былъ увѣренъ, что рычаніе въ патетическихъ мѣстахъ, слезы въ трогательныхъ и раскаты въ грозныхъ— всегда и неизмѣнно произведутъ свое дѣйствіе; grande-coquette всю игру полагала въ томъ, чтобы сложить губы сердечкомъ и выставить кончикъ туфли. То были наивныя, но для актера благословенныя приемы, на которые онъ могъ положиться безъ страха и сомнѣнія. То была та „театральность“, та, разъ навсегда укоренившаяся, ложь, которая не требовала никакихъ измѣненій. И вотъ почему, среди этой лжи и условности, всякій проблескъ естественности, жизненности потрясалъ и изумлялъ. И прежнему среднему актеру, актеру своего „амплуа“, нужно было только вдвинуться въ эту форму и застыть въ ней разъ навсегда. Его личная жизнь, его развитіе, его образование, его взгляды эстетическіе и этическіе не имѣли никакого отношенія къ его дѣятельности, и потому его некультурность, узость его интересовъ не отражались на его профессіи.

Но... далеко отодвинулись отъ насъ эти времена „театральной позы“, перестали удовлетворять „красивый жестъ“ и „звучное слово“, перестали убѣждать окаменѣлыя формы; намѣтились новыя пути и новыя достиже-

ня. Мѣнялась жизнь, мѣнялся репертуаръ, но, увы, „актеръ“ въ своей внутренней сущности, въ ограниченности своихъ интересовъ оставался все тотъ же; все тотъ же тѣсный, узкій „актерскій“ мѣръ замыкалъ его горизонты, застилалъ отъ него живую жизнь. Уже не театральную фигуру, не банальный трафаретъ приходилось воплощать ему, нѣтъ,—„человѣка“ во всемъ его объемѣ, со всей сложностью и тонкостью его переживаній. Толстой, Чеховъ, Метерлинкъ, Ибсенъ, Гауптманъ—они не требовали больше ни кудрей, ни ватонъ, ни завыванья: стала нужной „душа человѣка“ въ ея сокровенныхъ содроганіяхъ, въ ея трепетѣ.

Далеко прочь была уже откинута „маска“, грубый гримъ, подчеркнутое актерство; зрители хотѣли видѣть лицо самое обыкновенное, простое лицо обыкновеннаго человѣка. И вотъ, когда средній актеръ, актеръ en masse, остался позади движенія, ни въ немъ самомъ, ни вокругъ него ничто не измѣнилось: театръ, кулисы, душная уборная, чадный кабакъ, кружокъ „коллегъ“ и опять театръ—все это было, все это продолжало держать его, какъ цѣпкая тина. Чтобы творить, воплощать, создавать образы, нужно брать ихъ отъ жизни, нужно сталкиваться съ новыми людьми, съ новой средой, съ новымъ матеріаломъ; чтобы разработать этотъ матеріалъ, нужно углубить сферу своихъ переживаній, расширить свой кругозоръ.

А спросите любого актера, любую актрису, они отвѣтятъ вамъ очень спокойно:

— Читать? Намъ некогда!..

Еще въ театральныхъ школахъ слышатъ какіе-то обрывки и отрывки по эстетикѣ, исторіи драмы и т. д., но потомъ и это неизмѣнно и фатально кончается. Не только книгу, даже пьесу, въ которой артисты участвуютъ, имъ зачастую прочесть некогда.

— Помилуйте! Когда же? Если въ сезонъ, т.-е. за 6 мѣсяцевъ, играется 80—100 пьесъ, если за 6 дней дается 8 спектаклей, если успѣваемъ только кое-какъ попить, поѣсть...

Вотъ жизнь актера—въ жизни, въ ея круга, въ ея интересахъ.

Вотъ почему русскій артистъ не можетъ, не умѣетъ играть русскаго мужика, русскаго мѣщанина, русскую народность: онъ ее не видитъ, не знаетъ, не понимаетъ.

Вотъ почему въ массѣ такъ безцвѣтенъ и блѣденъ средній актеръ.

Онъ замученъ, избитъ, оглушенъ, работой и, вотъ, почему онъ неподвиженъ, инертенъ, ибо по горло и добровольно погруженъ въ тину своей профессіи. Онъ знаетъ только подмости, бутафорію, пыль кулисъ и забываетъ жизнь.

И, какъ всякому ушедшему отъ нея, жизнь мститъ горько и больно; стираются и яркія краски, тускнѣетъ душа, и остается что-то сѣрое и безличное, груда пепла, въ которомъ властная рука антрепренера тщетно ищетъ „священную искру“ таланта. **К. и О. Ковальскіе.**

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ПРИЕМАХЪ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРИТИКИ.

Не правда ли, какая сложная задача всякій разъ предстаетъ оцѣнивающему игру актеровъ? Въ самомъ интимномъ изъ искусствъ, въ воплощеніяхъ самаго сложнаго изъ родовъ литературы, какимъ является драматическая форма, нужно указать цѣнность, мѣрою которой надлежитъ вымѣрять зрителю театральное представленіе. Но дѣло усложняется еще и тѣмъ, что въ театральнѣй рецензій соответственными элементами являются не только актеры, какъ носители художественныхъ цѣнностей, не только драма, какъ воплощаемый ими матеріалъ, но еще

онъ самъ, этотъ зритель, онъ самъ является дѣйствующимъ лицомъ, онъ самъ актеръ, творецъ иллюзій, самъ воплощающій формы драмы въ своемъ воображеніи, воплощающій элементы, данные театральнымъ зрѣлищемъ. Слѣдовательно, у него свой мѣръ, который сталкивается съ міромъ, создаваемымъ театромъ. Изъ столкновенія, изъ борьбы міра идей и художественныхъ формъ, созданныхъ зрителемъ, и изъ крѣпкихъ, неподвижныхъ формъ, относительно которыхъ рѣшено однажды театромъ, выясняется та цѣнность, которую выдвигаетъ критеріемъ зритель.

Но помимо этой извѣстной консервативности для каждаго спектакля со стороны театра проведеніемъ режиссерскаго Leit-faden'a, есть для зрителя и нѣчто текучее, измѣняющееся, нѣчто вѣчно живое—это изобразительный талантъ актеровъ. Сохраняя основное, актеръ тогда только сама жизнь, если онъ—технически или искренно, это намъ все равно,—вновь живетъ на каждомъ спектаклѣ.

Этотъ живой носитель, какъ бы „ростъ“ искусства на нашихъ глазахъ, основа театральнаго зрѣлища—актеръ и представляется намъ не иллюстраторомъ идеи автора, не иллюстраціей содержанія пьесы, а той физической сущностью развѣивающагося дѣйствія, безъ которой мы не можемъ мыслить драматической пьесы. Онъ въ каждый новый моментъ пьесы развиваетъ извѣстныя черты того символа, какимъ является въ отношеніи къ жизни намѣченный авторомъ образъ.

Итакъ, эти элементы, разнозначные по своей сущности, должны быть чѣмъ-то объединены въ опредѣленіи критика, штудирующаго данный спектакль.

Мнѣ представляется чрезвычайно вѣрной мысль, высказанная Ю. И. Айхенвальдомъ о значеніи и назначеніи критика*): „...особый смыслъ,—пишетъ онъ,—получаетъ функція критика. Если, вообще, его роль сводится къ тому, чтобы сталкивать художника, то необходимость подобнаго истолкованія дѣлается еще яснѣе, коль скоро мы признаемъ общій иррациональный характеръ эстетической дѣятельности. Ибо, въ противоположность писателю съ его преимущественной безсознательностью, критикъ преимущественно сознателенъ. Самъ художнически не творя, онъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ художникъ, пребываетъ въ неосвѣщенныхъ обителяхъ души, и потому на свѣтъ сознанія выводитъ онъ то, что невѣдомо и безсознательно для самого творца“.

Мнѣ представляется совершенно совпадающимъ съ этимъ опредѣленіемъ назначеніе театральнаго критика.

Воплощенія актеровъ, создаваемое ими представленіе, т.-е. соединеніе въ живую связь мертвыхъ техническихъ эффектовъ сцены,—протекаетъ въ безсознательной сферѣ. Хочу сказать: пусть огромная техническая работа лежитъ на актерѣ, ищущемъ нужный гримъ, пусть онъ томительно и кропотливо проходитъ свою роль по всяческимъ источникамъ и матеріаламъ, пусть изученіе жизни, изученіе всяческихъ пластическихъ канонъ, бесѣды съ художниками предшествуютъ моменту рожденія имъ роли,—но вся работа становится преодолѣнной, легкой и забытой, когда внезапно его талантъ изъ всей этой массы содѣянаго, наконецъ, раскроетъ то, чего онъ искалъ. И это будетъ актомъ его безсознательнаго творчества. И актера отличить отъ всякаго изъ служителей прочихъ искусствъ, отъ всякаго изъ прочихъ художниковъ то, что онъ останется имъ только тогда, когда для насъ, зрителей, онъ на сценѣ вновь и вновь проявитъ это свое безсознательное перевоплощеніе...

Передъ зрителемъ явленъ извѣстный знакъ живого искусства, данный изобразительными средствами актера. Эта творческая дѣятельность актера предполагаетъ полное сліяніе его изображеній съ явленіями фантазій зрителя.

Если спектакль сильный, это произойдетъ иррационально. То-есть, вся убѣдительная прелесть искусства, показанная сценой, волеется въ душу зрителя не рядомъ умозаключеній, не рядомъ построаемыхъ силлогизмовъ, а натискомъ какъ бы „діонисійской“ бури искусства, и она подчинитъ, повергнетъ, какъ любовь, какъ страсть, однимъ блескомъ художественной правды.

*) Предисловіе къ 3-му изданію I т. „Силуэтовъ русскихъ писателей“, стр. XVII и XVIII.

И это совершится въ душѣ сидящаго въ театрѣ помимо его воли, безъ соучастія оберегающаго душу сознанія. Актеръ раскрываетъ лишь интуитивно отгаданное имъ въ жизни, но не взятое во всей реальности изъ нея. И естественно, что единственный удѣлъ критика, воспринимающаго спектакль, это удѣлъ импрессиониста.

Импрессионизмъ, отрицаемый въ приемахъ литературной критики, самими же отрицателями повторяется въ ихъ театральныхъ опытахъ. Какой ужъ тамъ, съ позволенія сказать, у нихъ позитивизмъ! Но, констатируя этотъ импрессионизмъ въ театральной критикѣ, признавая, что единственной была и есть театральная критика импрессионистическая, я полагаю, что въ основѣ таковой должна быть какая-нибудь метода.

Если, изучая литературное произведение, мы стремимся прочитать его такъ, чтобы форма его была нами почувствована и чтобы она одна заставила воспринять во всей силѣ красоту и значительность идеи, оживляющей данную пьесу, то еще болѣе это должно быть приложимо къ театральному представлению.

Театръ, дающій извѣстный замыселъ въ представляемой вещи, уже тѣмъ самымъ, что рѣшаетъ относительно пьесы нѣсколько основныхъ ея положеній—даетъ ей форму, даетъ нѣчто неизблемое въ нашемъ сознаніи. И это было бы основаніемъ, на которомъ могъ бы базировать критикъ... Остался бы лишь вопросъ объ индивидуальной цѣнности сужденія въ отношеніи къ данной вещи, къ ея истолкованію, если бы по самой природѣ своей драма потенциально не предполагала бы всегда дѣйствителя даже въ нашемъ воображеніи, и, слѣдовательно, если бы драма, какъ нѣкоторая художественная форма, не предполагала бы непрестаннаго наполненія сознанія зрителя новыми моментами сознанія дѣйствующихъ лицъ, которыя и служатъ объектами созерцанія и вмѣстѣ воплощеніями фантазіи зрителя. Значитъ, по природѣ своей, драматическое представленіе строится на постепенномъ оживленіи, въ вульгарномъ смыслѣ слова, той художественной идеи, которая является скрѣпой всѣхъ поступковъ и всѣхъ лицъ и всѣхъ предметовъ на сценѣ. Показать живымъ, слитнымъ, синтезированнымъ все то, что автору, актеру, художнику, режиссеру, композитору, балетмейстеру, казалось выражающимъ извѣстныя ихъ художественныя наблюденія, переживанія, идеи—это задачи спектакля.

Здѣсь предстоитъ театральному критику почти непреодолимая трудность. Что онъ можетъ? Пусть, по мысли Ю. И. Айхенвальда, критикъ иррационально пережитое художникомъ раскроетъ, осознаетъ. Но какъ ему, критику, показать это во всей полнотѣ? Онъ укажетъ, онъ отмѣтитъ. Онъ напишетъ свое впечатлѣніе, но, кромѣ этого, его личнаго впечатлѣнія, какъ случайнаго взявшагося за перо, развѣ у него ничего не будетъ? Объективной цѣнности, того, что онъ могъ бы защитить не изысканностью своего вкуса, или чуткостью, не воспоминаніемъ о прежнихъ воплощеніяхъ, а чего-либо эстетически неломкаго, если не абсолютнаго, то хоть относительнаго для даннаго времени и даннаго мѣста,—развѣ этого нѣтъ?

Вѣдь, несомнѣнно, что критика театральнаго критиковъ, въ большинствѣ, построена на полномъ произволѣ. Не только не выдвигается обычно причина, почему данное исполненіе и данная постановка приемлемы или не приемлемы, согласно выставленнымъ авторомъ положеніямъ, а просто налагаютъ клеймо. Кто же не знаетъ, что обычно театральная рецензія пишется по бѣглому впечатлѣнію безъ всякой литературной подготовки, безъ предварительнаго изученія захваченнаго театромъ матеріала для показанія обществу въ извѣстномъ воплощеніи художественной идеи, что, въ большинствѣ, по условіямъ существованія современной прессы, да и по склонности къ этому пишущихъ о театрѣ, отзывы строятся чаще всего à propos.

Такъ, этому роду писаній и отведено мѣсто въ печати. О литературномъ созданіи, о живописной композиціи принято разрабатывать положенія критики, принято искать методовъ изученія. Существуетъ догматическая литература по этому вопросу; о сценическомъ же творествѣ, о искусствѣ театра позволено откликаться людямъ „въ случаѣ“, судьбой кинутымъ въ театральные рецензенты и не готовившимъ себя къ этому никогда.

1. ЗАТТЛЕРЪ.—Изъ серіи рисунковъ „Мой домикъ“.

Но, вѣдь, судьба театра относительна. То-есть, хочу сказать, театръ ведетъ свою линію, а общество должно ее видѣть. Но и судьба актера относительна, то-есть онъ самъ создаетъ художественно цѣнное, а толпа это должна воспринимать. Одно безъ другого для существованія сценическаго искусства невозможно. Но кто же присяжные судьи? Кто выразители этого общества, отъ воспримчивости котораго зависитъ судьба, зависть жизнь театра и актера?—Театральные критики.

Но они не имѣютъ пути, они безъ пути, они не ищутъ пути, потому что это сложнѣйшая проблема, надъ которой нужно работать во всеоружіи знанія, опыта, творческой мысли, огромнаго спеціального образованія, а гдѣ положить этому починъ, кто можетъ положить этому начало?!

Вас. Сахновскій.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

Въ предыдущемъ письмѣ я вскользь упомянулъ о новой пьесѣ Э. Соллогуба „Мечта-побѣдительница“, передъ самымъ постомъ поставленной въ театрѣ „Комедія и драма“. На пьесѣ слѣдуетъ остановиться подробнѣе: Соллогубъ—слишкомъ крупный и оригинальный художникъ, чтобы даже неудачное его произведеніе трактовалось вскользь.

Дѣйствительно, его новая „Мечта“ рѣшительно не удалась. Какъ всѣ пьесы à thèse, она книжна и разсудочна. Живая плоть драмы свелась въ ней къ эстетическому манифесту, къ цѣпи полемическихъ доводовъ защитниковъ стараго и новаго театра.

Представителю старины, трезвому реалисту Красновскому, авторъ далъ полную возможность изложить все, что онъ имѣетъ, въ защиту реалистическаго искусства, но безпристрастіе это только кажущееся: адвокатъ Красновскій говоритъ прѣсныя и мелкіе трюизмы, которые успѣли надоѣсть уже даже гимназистамъ.

Въ свою очередь представители новаго искусства въ пьесѣ: писатель Моревъ, актриса Марія и художникъ Кургановъ необѣдительно толкуютъ о преимуществахъ

мечты передъ дѣйствительностью, легенды передъ бытомъ. Но если необѣдительно ихъ рѣчи, то еще слабѣе то небольшое, изъ чего складываются ихъ дѣйствія, т.-е. ткань самой драмы.

Марія сыграла въ пьесѣ Морева; пьеса провалилась, и антрепренеръ снимаетъ ее съ репертуара. Марія возмущена и хочетъ бросить этотъ театръ, но тогда ей пришлось бы заплатить шесть тысячъ неустойки; это заставляетъ ее принять предложеніе богатаго „реалиста“ Красновскаго. Нелюбимаго мужа она бросаетъ тогда, когда ея единомышленники, Моревъ и Кургановъ, достаютъ откуда-то денегъ на созданіе новаго театра, гдѣ Марія будетъ служить „Мечтѣ-побѣдительницѣ“.

Мелкія коллизіи, странная смѣсь мистическаго и ультра-бытового стиля, головной паюсъ—таковы досадныя, недостойныя автора „Мелкаго бѣса“ черты новой драмы. Къ тому же ни красочные костюмы Н. Калманова, ни жгучіе танцы В. Прѣснякова не могли ослабить тяжелаго впечатлѣнія спектакля, разыграннаго безъ всякаго пониманія духа и стиля пьесы. Одна Глѣбова въ небольшой, наполовину балетной роли Зои, была по соллогу-бовски воздушна, остальные исполнители всѣ terre-à-terre, земные и безкрылые.

Не порадоваль, такимъ образомъ, конецъ сезона, а на первой недѣлѣ поста начался обычный экзаменаціонный циклъ императорскихъ драматическихъ курсовъ. На этотъ разъ выпускъ, руководимый талантливымъ Ю. Э. Озаровскимъ, общаетъ нѣсколько новыхъ хорошихъ актеровъ и актрисъ, что съ каждымъ годомъ становится все важнѣе и важнѣе для Александринскаго театра, обычно пополняющаго убыль въ своихъ рядахъ изъ выпуска школы.

До сихъ поръ состоялись три экзаменаціонныхъ спектакля. Программа спектаклей на этотъ разъ выработана свѣжо и содержательно, но первые три были перегружены театральной стариной и специальными сценическими задачами. Въ трехъ небольшихъ пьесахъ Екатерины II, Загоскина и Сумарокова молодежь разрѣшала, и притомъ съ хорошимъ успѣхомъ, задачи сценическаго стиля и стариннаго театра.

Категорію того же стиля и театра психологическаго охватили „Комедія ошибокъ“ Шекспира и „Странный человѣкъ“ Лермонтова; наконецъ, специально-интимный театръ трактовали учащіеся въ чеховскихъ „Трехъ сестрахъ“.

Конечно, шекспировская комедія, одно изъ самыхъ раннихъ и слабыхъ созданій англійскаго гения, превышаетъ силы театральной молодежи; характеристика героевъ въ этой пьесѣ такъ элементарна и расплывчата, а наличность въ ней двухъ паръ близнецовъ, легендарно похожихъ другъ на друга, представляетъ такія огромныя техническія трудности, что къ исполненію пришлось примѣнить очень снисходительную мѣрку.

Что до „Трехъ сестеръ“, то именно интимности, составляющей основную прелесть чеховской поэзіи, выпускъ не далъ, да и не могъ дать: чтобы дойти до Чехова, сотканнаго изъ тончайшихъ нитей и мягкихъ бликовъ, нужно большое, не только артистическое, но и жизненное прошлое, нужна богатая духовная жизнь, которой у молодежи не могло быть.

Наконецъ, „Странный человѣкъ“ Лермонтова. Да будетъ стыдно дирекціи „образцоваго“ Александринскаго театра, что она проглядѣла, ни разу не остановила своего высокомѣрно-чиновнаго вниманія на этомъ созданіи семнадцатилѣтняго гения! Понадобился умный и смѣлый руководитель школьнаго выпуска для того, чтобы ея мощный паюсъ прозвучалъ съ подмостковъ Александринской сцены.

Въ „Странномъ человѣкѣ“, вообще никогда еще не воплощенномъ на сценѣ, много молодого броженія, дисгармоніи, много постороннихъ основному плану лицъ и цѣлыхъ картинъ, нѣтъ художественной экономіи средствъ и пропорціональности частей, но зато бездна буйной силы, захватывающаго паюса и льющагося черезъ край истинно драматическаго подъема. Такія пьесы, незрѣлыя, но таящая въ себѣ большія возможности, лучше всего, быть можетъ, могутъ исполняться именно молодежью, непосредственной и импульсивной.

Въ составѣ нынѣшняго выпуска покуда успѣло выдѣлиться нѣсколько хорошихъ общаній въ лицѣ учениковъ: Афанасьева, Преображенскаго и Шестова, почти готовыхъ технически, интересныхъ актеровъ. Изъ женской молодежи хочется выдѣлить безспорно даровитую Масловскую, затѣмъ Лосеву и Каренину.

Промелькнула недѣля поста,—и снова гостеприимно раскрылись двери чуть ли не пятнадцати театровъ сразу.

Успѣлъ пройти у Незлобина „Орлепокъ“, такъ прочно сидѣвшій въ Москвѣ и у насъ также имѣющій всѣ шансы унаслѣдовать счастливую судьбу „Псиши“. Театръ снова биткомъ-набитъ, пьеса отлично принимается публикой, а Лихачевъ—герцогъ рейхштадтскій, получилъ на премьерѣ множество вѣнковъ и былъ безъ конца вызываемъ.

Въ Михайловскомъ театрѣ открыли сезонъ пятиактной трагедіей Эрнста Гардта „Gudrun“. Такова уже традиція нѣмецкихъ гастролей Ф. Бока: онѣ начинаются съ серьезныхъ драмъ серьезныхъ авторовъ; драмы эти неизмѣнно принимаются съ кислыми минами,—и Ф. Бока переходитъ къ легкой комедіи, къ безпретенціознымъ пустичкамъ, къ водевилю.

Л. Василевскій.

ПРЕКРАСНАЯ ДУША.

(Саллэ).

Статья П. Линдау.

Марія Саллэ, родоначальница современной пантомимы, долгое время считалась только „соперницей Камарго“. Если спросить о причинахъ этой исторической несправедливости, придется констатировать, что виной всему была ея добродѣтель.

1. ЗАТТЛЕРЪ.—Илюстр. къ „Исторіи прирейнскихъ городовъ“ Бооса.

Жизнь танцовщицы 18-го вѣка—и не одной романтической исторіи, ни малѣйшаго скандала! Все это почиталось басней, или, во всякомъ случаѣ, скучной исторіей, о которой не стоило много говорить.

Саллэ раздѣлила участь всѣхъ предтечъ, болѣе счастливые послѣдователи отгѣснили ее, и, когда, наконецъ, восторжествовали ея идеи,—имя ея успѣло уже покрыться забвеніемъ.

Марія Саллэ родилась въ 1707 году; семья ея принадлежала къ кочующимъ артистамъ. Выросла она среди шума ярмарочнаго балагана и всю свою юность провела въ этомъ своеобразномъ театральномъ міркѣ, гдѣ опера, драма, балетъ и циркъ составляютъ какъ бы одно.

11-ти лѣтъ отъ роду выступила она впервые на сценѣ маленькаго ярмарочнаго балагана, принадлежащаго ея дядѣ Франциску, въ Сень-Жерменѣ, около Парижа. Затѣмъ, она дебютировала съ успѣхомъ въ Лондонѣ.

Въ 1727 году, 20-ти лѣтъ отъ роду, она появилась въ Парижѣ, уже вполне законченной артисткой. 14-го сентября того же года (годъ спустя послѣ Камарго) состоялся ея дебютъ, чрезвычайно понравившійся публикѣ.

Вскорѣ затѣмъ она стала выступать въ балетахъ рядомъ съ пламенной Камарго; и ея чарующая грація, благородство ея осанки плѣнили парижанъ. Къ сожалѣнію, между обѣими артистками вспыхнула непримиримая вражда. Тихой жрицѣ танца пришлось уступить страстной вакханкѣ и удалиться въ Англію.

Но Парижъ не могъ забыть ее, и уже въ 1730 году она получила снова ангажементъ въ оперу на огромный окладъ въ 2000 ливровъ въ годъ. Вскорѣ она опять блистаетъ рядомъ съ Камарго, даже одно время затмевая ее. Это было кульминаціоннымъ пунктомъ ея карьеры.

Въ 1733 году недовольство окружающимъ, незначительность вставленныхъ въ оперу балетовъ, неподвижность заученныхъ pas, заставили Саллэ покинуть балетъ. Цѣлый годъ она живетъ въ уединеніи, посвящая себя разработкѣ ею самой созданнаго новаго стіля танцевъ; позднѣе, въ Лондонѣ, она выступала уже въ пантомимахъ, и въ костюмахъ, ею самой придуманныхъ. «Она отважилась,—писали изъ Лондона изумленнымъ парижанамъ,—выступить въ Пигмаліонѣ безъ панье и фижмъ, безъ корсажа, съ распущенными волосами, безъ всякаго головного убора: на ней была накинута лишь легкая муслиновая ткань, задрапированная наподобіе греческихъ статуй».

Саллэ посчастливилось встрѣтить композитора, внюхавшаго въ звукахъ своей музыки всю живописную гамму ея настроеній. То былъ Гендель.

Великій нѣмецкій композиторъ, какъ разъ въ это время, рассорился съ директоромъ оперы и перешелъ въ новооткрытый Ковентъ-Гарденскій театръ, въ которомъ выступала Саллэ.

И тѣ же лондонцы,—раньше восторгавшіеся ею, бросавшіе къ ея ногамъ кошелки и гиней, завернутые, какъ конфеты, въ банковые билеты,—теперь отвернулись отъ нея. Выступивъ въ мужской роли—она потерпѣла полное пораженіе и, униженная, должна быда вернуться въ неблагодарный Парижъ, который принялъ ее съ восторгомъ. Камарго къ тому времени уже покинула сцену, и новый дебютъ Саллэ въ 1735 году явился событіемъ для Парижа.

4 года блистала она тамъ звѣздой первой величины, одержавъ хотя и краткую, но полную побѣду своимъ искусствомъ. Она первая отвоевала мѣсто пантомимѣ въ исторіи театра.

Приведемъ для примѣра ея игру въ балетѣ „Пигмаліонъ“: статуя оживаетъ, горячая кровь струится по ея жиламъ; мечты окрыляютъ ее, она сходится съ пьедестала, осторожно нащупывая почву ногой, пробуетъ, танцуетъ, сдѣлать нѣсколько шаговъ... страсть туманитъ ее, и вотъ она всю себя изливаетъ въ нѣжно-стремительномъ танцѣ.

Въ роли Гебы въ балетѣ „Касторъ и Поллуксъ“, она старается тронуть жестокое сердце Поллукса. Съ отчаяніемъ въ душѣ, боязливо поглядывая на него, тщетно моля взорами выслушать ея любовную тоску, танцуетъ она послѣдній гавоть, и когда онъ небрежно отворачивается отъ нея, она, рыдая, падаетъ ницъ. Въ этомъ танцѣ она проявляла весь трагизмъ

ЗНАМЕНИТЫЯ ТАНЦОВЩИЦЫ 18-го вѣка.

Марія Саллэ.

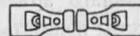
женщины, покинутой и оскорбленной въ своихъ лучшихъ чувствахъ, какъ въ Федрѣ Эврипида или Расина.

Въ 1737 году Саллэ окончательно простилась со сценой и удалась съ небольшою пенсіей на покой, продолжая неутомимо работать и постоянно совершенствоваться въ своемъ искусствѣ, выступая лишь изрѣдка въ интимномъ кружкѣ, на праздникѣ у короля, или у какого-нибудь высокопоставленнаго лица или банкира.

Прелестная пастель Ла-Тура 1741 года (когда она уже покинула сцену) изображаетъ намъ ее женщиной, обаятельно улыбающейся, съ умными глазами: на ней простой чепчикъ, руки въ кружевныхъ манжетахъ спокойно сложены на колѣнахъ, уютно и стройно откинулась она въ кресло, ничто не напоминаетъ въ ней прежнюю танцовщицу,—это вполне опредѣлившійся, сосредоточенный въ себѣ самой, человекъ.

Да, дѣйствительно, ее можно было назвать танцовщицей душевныхъ переживаній: Sallé l'enchantresse, Саллэ волшебница

Переводъ Е. Лениной.

КЪ ГАСТРОЛЯМЪ „СТАРИННАГО ТЕАТРА“.

По поводу одной монографіи.

„СТАРИННЫЙ ТЕАТРЪ“ Э. А. Старкъ.

Въ виду начавшихся на второй недѣлѣ въ Москвѣ гастролей Стариннаго театра представляется совершенно своевременнымъ указать на очень интересную книгу, изданную въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, въ которой рассказана исторія возникновения „Стариннаго Театра“, рассказана, какъ ведется работа по созданію cadaго спектакля, а также изложено какъ бы художественное сцено этихъ искусныхъ возсоздателей театральной старины.

Эта монографія выпущена въ моментъ возобновленія дѣятельности Стариннаго театра послѣ четырехлѣтняго перерыва. Она рассказываетъ не о постановкахъ второго цикла—Испанскомъ театрѣ XVI и XVII вѣка, а о постановкахъ перваго цикла: литургической драмѣ XI вѣка, мираклѣ XIII вѣка, пастурели

[СОВРЕМЕННАЯ ИНДИЙСКАЯ ЖИВОПИСЬ.

Дурга въ образѣ Кали (черной).

XIII вѣка, моралитэ XV вѣка, фарсахъ XVI вѣка и уличномъ театрѣ также XVI вѣка. Организаторы Стариннаго театра, стремившіеся создать постоянное учрежденіе изъ своей попытки воскресить сценическую старину, ставили и ставятъ себѣ, продолжая начатую работу, „задачу въ рядѣ спектаклей показать не только исторію драматической литературы, но и главнымъ образомъ эволюцію театра, какъ зрѣлища“ во всемъ его полномъ объемѣ, выявить въ каждой данной эпохѣ самую душу театра со всѣми ея особенностями, сложившимися подъ вліяніемъ строя жизни. Соответственно послѣднему, драматическую литературу нужно было взять въ формахъ публикѣ совершенно неизвѣстныхъ, потому что всѣмъ этимъ характернымъ формамъ отвѣчали и различные виды театральнаго зрѣлища. Но театръ хотѣлъ еще показать и зрителя, чтобы показать, какъ смотрѣлась пьеса извѣстнаго времени. И въ постановкѣ литургической драмы „Три волхва“ былъ введенъ этотъ зритель—толпа у ступеней

собора небольшого средневѣковаго города, толпа, которая своимъ энтузіазмомъ, экстаическимъ сочувствіемъ дополняла развертывающееся „дѣйство“.

Театръ развилъ свою дѣятельность, продержавшись въ первый разъ всего лишь немного болѣе мѣсяца, благодаря сложнѣйшей работѣ надъ воссозданіемъ стили эпохъ людей различныхъ отраслей искусства. Искали фрагменты для воссозданія мелодій, искали миниатюрную живопись, которая по характеру отвѣчала бы намѣченному сюжету, интуитивно пытались схватить стиль игры, колоритно передать духъ старины. Текстъ старинныхъ пьесъ, написанный на нарѣчіяхъ норманскомъ или artois, сначала передавался на французскій языкъ архивистомъ паллеографомъ Pierre Champion и тогда уже переводился на русскій языкъ. Одинъ изъ организаторовъ театра М. Бурнашевъ ѣздилъ въ Парижъ и Кельнъ, откуда привезъ много цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи средневѣковаго театра. Баронъ Дризенъ объѣздилъ нѣкоторые швейцарскіе, монастыри, хранящіе въ себѣ много любопытнаго, относящагося вообще, къ эпохѣ среднихъ вѣковъ, затѣмъ объѣхалъ Мюнхенъ, Нюрнбергъ и Ротенбургъ. Все это была черновая работа для воссозданія отшедшихъ вѣковъ при руководствѣ специально работавшихъ надъ инсценировкой пьесъ Н. Евреинова и А. А. Санина. И. А. Сацу предстояло возстановить гармонизацію и переложить музыку на инструменты того времени: роты, псалтири, гамбы, органиструмы и специальные ударные. Надъ текстомъ работали: Сергій Городецкій, Юрьинъ (Бенедиктъ), Александръ Блокъ, баронъ Н. Н. Врангель и А. Трубниковъ. Надъ эскизами къ декорациямъ и костюмамъ, надъ эскизами къ занавѣсамъ и надъ писаніемъ самыхъ декораций работали Александръ Бенуа, Добужинскій, Лансерэ, Рерихъ, Чемберсъ и Щуко.

Въ такомъ блестящемъ составѣ сотрудниковъ были приготовлены первые два спектакля Стариннаго театра. Въ началѣ увлекались мыслью начать съ античной трагедіи, но отказались отъ мысли воскресить ее вполне сознательно. Исходили изъ слѣдующей мысли, высказанной проф. Е. В. Аничковымъ, съ которой и согласились всѣ: „Для исторіи театра въ ея послѣдовательномъ развитіи античная драма вовсе не такъ важна, потому что не существуетъ преемственной связи между нею и европейскимъ театромъ въ полномъ его объемѣ; послѣдній есть достояніе христіанской культуры, и его корни таятся во тьмѣ средневѣковья“. Долго работали не только надъ собираніемъ и реконструкціей матеріаловъ старины, матеріаловъ вѣщественныхъ, но еще и надъ живымъ матеріаломъ—актерами. Хотѣлось „подобрать такой матеріалъ, который не былъ бы испорченъ рутинною сценическаго ремесла“. Всѣхъ участвующихъ „нужно было ввести въ кругъ идей средневѣковья, чтобы облегчить имъ крайне трудную задачу проникновенія его стилемъ“. Для этого имъ читались курсы по исторіи средневѣковой литературы, музыки, по иконографіи среднихъ вѣковъ и о средневѣковомъ актерѣ.

Вотъ какую работу въ свое время сдѣлалъ Старинный театръ для русскаго общества, для русскаго сценическаго искусства.

Вас. Сахновскій.

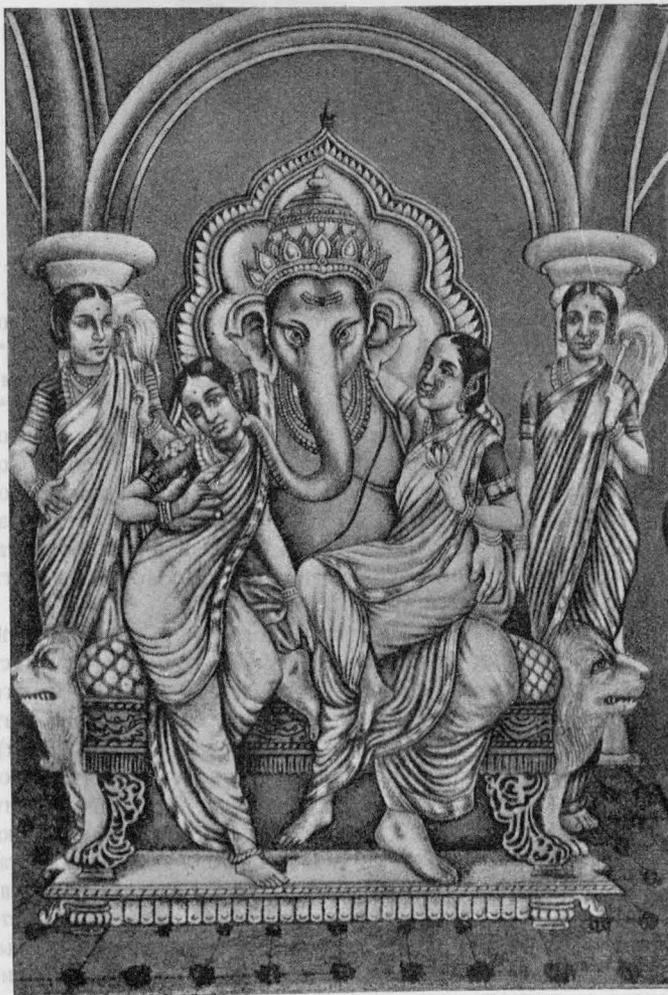

I. ЗАТТЛЕРЪ.—Виньетка.

„ГНѢВЪ АХИЛЛЕСА“.

НОВАЯ трагедія Вильгельма Шмидтбонна, имѣвшая большой успѣхъ при постановкѣ въ берлинскомъ „Deutsches Theater“, представляетъ собою смѣлую попытку вывести на сцену героевъ „Илиады“. И попытка блестяще удалась. Шмидтбоннъ, конечно, далеко отъ ложнаго классицизма стараго времени, замѣняющаго психологію декламациею; онъ — художникъ-реалистъ, стремящійся изобразить прежде всего людеи. Но онъ и не „декаденствуетъ“, какъ Гофмансталь, превращающій въ „Электръ“ и „Эдипъ“ гомеровскихъ героевъ въ истериковъ и неврастениковъ. Ближе всего Шмидтбоннъ, пожалуй, къ Клейсту, „Пентезилея“ котораго вспомнилась не одному изъ критиковъ „Гнѣва Ахиллеса“. Такой сложности душевныхъ переживаній, какъ у Клейста, мы въ трагедіи Шмидтбонна, правда, не найдемъ, — что обусловливается отчасти уже самой темой. Шмидтбоннъ сумѣлъ оставить неприкосновенными наивную простоту и элементарность гомеровскихъ героевъ — и въ этомъ именно жизненность и правдивость ихъ въ трагедіи. Все дѣйствіе развивается на почвѣ столкновения элементарнѣйшихъ чувствъ и страстей. Ахиллесъ — широкоплечій, угловатый, съ огромнымъ тѣломъ, некрасивымъ лицомъ, голубыми глазами, рѣзко выдѣляющимися на фонѣ загорѣлаго лица, единственный блондинъ изъ всѣхъ грековъ — настоящій богатырь-варваръ, дикій и гордый. Единственный чертой, чуть-чуть смягчающей суровый образъ героя, является дружба съ Патрокомъ. Женщина же для Ахиллеса — только собственность, за-

СОВРЕМЕННАЯ ИНДІЙСКАЯ ЖИВОПИСЬ.

Ганемъ, богъ наукъ и искусствъ.

бава праздныхъ часовъ. Гнѣвъ его мотивируется исключительно его оскорбленнымъ самолюбіемъ. „Пусть она идетъ, — говоритъ онъ вождямъ, пришедшимъ за Бризеидой, — она была дорога мнѣ. Но не это мнѣ больно. Только одно: что я такъ мало значу въ войскѣ, что они не больше чтутъ меня, чѣмъ любого прибѣжавшаго съ улицы молодца“. Онъ считаетъ себя въ правѣ кроваво отомстить за нанесенную ему обиду, и гордится тѣмъ, что въ состояніи сдержать себя: „Я укрощаю свой гнѣвъ, какъ пантеру за рѣшеткой. Но если бъ я сломалъ рѣшетку, — бѣда вамъ всѣмъ! Ликуйте же — не потому, что вы такъ сильны, а потому, что самъ я такъ силенъ противъ себя“. Онъ отказывается участвовать въ бою — и великолѣпно Шмидтбоннъ рисуетъ муки обреченнаго на бездѣйствіе: „Кровь моя кричитъ, сжимаетъ мнѣ горло, не даетъ дышать... Почему не идутъ они сюда? Если-бъ хоть одинъ пришелъ съ Бризеидой — гнѣвъ мой смирился бы, я бросился бы въ бой... Видѣть хочу я, видѣть, какъ черной толпою убѣгаетъ врагъ отъ дикихъ ударовъ моей руки, пока не опустѣло поле, пока я не остался одинъ на своей колесницѣ“... Видя, что пораженіе грековъ неминуемо, Агамемнонъ — толстый, съ короткой шеей, низкимъ лбомъ и волосами почти до бровей — коварно выманиваетъ на поле битвы Патрокла и натравляетъ его на Гектора. Смерть друга заставляетъ и Ахиллеса идти въ бой, — но положеніе дѣлъ уже успѣло измѣниться. Предвидя мечь Ахиллеса, Пріамъ поспѣшилъ заключить миръ съ греками, и дикая ярость Ахиллеса рѣзко контрастируетъ съ радостью грековъ, только и думающихъ о скоромъ возвращеніи на родину. Надежды ихъ безжалостно разрушаются Ахиллесомъ: „Вы заключили миръ, не я. Вступить я долженъ въ послѣдній бой съ Гекторомъ. Онъ извѣстилъ меня, что ждетъ меня. Если я гублю васъ этимъ — помогайте себѣ сами, какъ я помогаю себѣ“. И онъ идетъ убивать Гектора, обрекая этимъ грековъ на продолженіе безконечно уже тянущейся войны. Но лишь только кровавое дѣло свершено, какъ немедленно же наступаетъ реакція. Жизнь потеряла смыслъ для Ахиллеса. Съ греками, проклинающими его, у него не можетъ быть ничего общаго. „Вы, быстрые судьи-палачи, я хочу того же, какъ и вы! Хочу уйти изъ вашего міра. Въ немъ тѣсно мнѣ — на каждомъ шагу я ударяюсь о стѣны или потолокъ. Дайте мнѣ быть своимъ собственнымъ палачомъ! Еще разъ хочу я стоять въ бою, влажный отъ пота и крови, — и смѣяться! Слышите? Троянцы! Одинъ выйду я, безъ панцыря и щита, противъ тысячи! Я сбрасываю и одежду, иду нагой въ лучахъ солнца! Кровь моя поетъ, рука дрожитъ, дрожитъ мечъ, точно и онъ часть моего тѣла... Всегда то было желаніемъ моей души: умереть одному противъ тысячи“.

Такова эта трагедія о „Гнѣвѣ Ахиллеса“, сжатая, сильная, полная высоко-драматическихъ моментовъ. Поставилъ ее Рейнгардтъ великолѣпно. Декорации Эрнста Штерна прекрасны. Это яркое синее небо, этотъ желтый песокъ, эта ослѣпляюще-бѣлая стѣна Трои, красная съ золотомъ палатка Ахиллеса — создаютъ удивительно подходящій фонъ для воинственно-суровой драмы, въ которой женщина не играетъ никакой роли. И въ лицѣ Пауля Вегенера нашелся исполнитель для роли Ахиллеса, лучше котораго себѣ представить трудно.

А. Лютеръ.

ПАМЯТИ Д. М. ВАДИМОВОЙ.

Въ часъ, когда сдвинулся занавѣсъ на представленіи „Псиши“, навсегда закрылась непроницаемой завѣсой жизнь той, которая играла для толпы эту Псишу. И пусть издѣвается жизнь до конца: когда балаганъ конченъ, когда представленіе перестали играть усталые актеры, тогда окончена игра и на иной сценѣ, гдѣ такъ невыносимо не играть, гдѣ такъ несносно остаться самимъ собою.

Какъ-то мучительно мыслятся эти два слова: смерть Псиши. Пусто это было,—все для толпы, для зрѣлища.

И вотъ человекъ, слабая женщина замучена этимъ фиглярствомъ.

Чѣмъ хотѣлось быть? Что могла она? Открылись ли тайники ея души.

Нестерпимо такъ мыслить о смерти актера, о трупѣ, представлявшемся всегда не собой, скрывавшемъ язвину, артистѣ, нанятомъ толпой, чтобы показывать совѣмъ другое.

Два момента, два яркихъ момента неизбывно терзаютъ воспоминаніе.

Сотый спектакль. Все, какъ и на первомъ. Праздничный звонъ колоколовъ. Солнечно на лугу, за открытой дверью. Вбѣгаетъ Псиша.

И почему же, какъ тѣнь электрическихъ софитовъ, эта чуждая, пугающая смерть прибѣжала за ней на сцену?

Накрашенное лицо, улыбающіяся уста, расширенные глаза ея и съ ними вмѣстѣ смерть съ помостовъ театра—глядятъ на васъ, представляютъ.

И вплоть до третьяго акта, вплоть до послѣдняго явленія, когда Псиша уже не могла подбѣжать къ дѣвушкамъ, а осталась сидѣть съ брошенными безпомощно руками,—съ безпомощнымъ взоромъ къ смерти, а лицомъ къ намъ—до этого явленія ихъ было двѣ: актриса и смерть.

И, вотъ, утро сырого, холоднаго дня. Надъ городомъ повисла пелена мути. Половина корридора гостиницы съ пустыми номерами.

Въ номерной, знакомой всякой актрисѣ, обстановкѣ, но только въ дорогой гостиницѣ, посреди комнаты, на столѣ, на какой-то

занавѣскѣ, лежитъ она. Трупъ вытянулся. Странно: входите, лицо улыбается, но страшной, зловѣщей улыбкой. Вы вглядываетесь. Оно искажено, искутана отъ послѣдней предсмертной боли нижняя губа.

Пусто въ номерѣ. Никого. Мертвая актриса одна.

Я не смѣю вспоминать ея жизнь, я не смѣю касаться ея ранъ, открытыхъ при жизни, но была жизнь, жизнь русской актрисы, жизнь русской женщины, пошедшей своимъ путемъ.

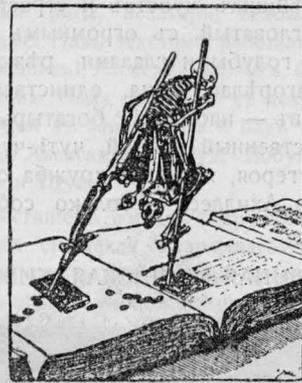
Земной поклонъ за все изжитое, земной поклонъ за страданія въ томъ кругу жизни, гдѣ такъ немногимъ вѣдомо, что сладость и что отравляющая горькая полынь.

Мы видѣли то, что давало намъ наслажденіе въ ея искусствѣ. Мы видѣли создаваемое ею на сценѣ. И „это“ осталось...

А для нея—смерть, ей, творцу—ничто.

И какъ тяжело, что ея товарищи играли, когда рядомъ лежалъ имъ дорогой мертвецъ; какъ обезличены актеры, которые должны представлять сквозь слезы „Псишу“, когда черезъ нѣсколько домовъ отъ театра лежала мертвая Псиша. Неужели театръ не могъ оборвать одного спектакля наканунѣ похоронъ передъ четвертой недѣлей, ради живыхъ актеровъ, столько пережившихъ съ мертвой „Псишей“?

Перь-Гинтъ.

1. Замтлеръ.—Ex libris.

МУЗЫКА.

„MISSA SOLEMNIS“.

Къ колоссальнѣйшимъ твореніямъ человѣческаго гения принадлежитъ, рядомъ съ „Божественной комедіей“ и „Фаустомъ“, безъ сомнѣнія, и „Торжественная месса“ Бетховена. Она является не только вѣнцомъ всего творчества Бетховена, но завершаетъ собой цѣлую эпоху музыкальнаго развитія человѣчества. „Missa solemnis“— послѣдній музыкальный памятникъ того времени, когда, не только въ искусствѣ, но и въ другихъ областяхъ умственной жизни, религіозность, или лучше „церковность“, занимала чуть ли не первенствующее мѣсто. На поприщѣ церковной музыки это удивительное произведеніе до сихъ поръ не было и врядъ ли когда-либо будетъ превзойдено.

Бетховень писалъ „Торжественную мессу“ почти одновременно съ девятой симфоніей. Оба произведенія имѣютъ много родственнаго не только по своему чистомузыкальному складу, но и по всему духу, который въ нихъ господствуетъ. Богатство неисчерпаемой музыкальной фантазіи Бетховена и величіе его міросозерцанія ни въ одномъ другомъ сочиненіи не сказывается съ такой силой, какъ здѣсь.

Финалъ девятой симфоніи, этотъ восторженный гимнъ свободѣ (вѣдь, только австрійскій цензоръ изъ первоначальной „свободы“ сдѣлалъ „радость“) — въ своемъ родѣ

не менѣе убѣдительно „Credo“ міросозерцанія Бетховена, чѣмъ духовное „Credo“ его „Торжественной мессы“.

Нѣтъ сомнѣнія, что „Торжественная месса“ по всему складу стоитъ на крайней границѣ „церковной музыки“. Тѣмъ не менѣе, надо быть осторожнымъ съ часто-повтореннымъ упрекомъ „нецерковности“ этой мессы. Соответствуетъ ли церковное сочиненіе требованіямъ богослуженія, проникнуто ли оно настоящимъ религіознымъ духомъ—это два весьма различныхъ вопроса. Отрицательный отвѣтъ на первый отнюдь не можетъ вліять на рѣшеніе второго.

Отношеніе Бетховена къ католической церкви было чисто внѣшнее, формальное. Ему не могло казаться привлекательнымъ писать церковную музыку, строго примѣненную къ ритуалу католическаго богослуженія. И въ своей первой мессѣ, такъ называемой „маленькой“ (C-dur), онъ во многомъ отступался отъ обычныхъ формъ богослужебнаго пѣнія католической церкви. Долгіе годы онъ потомъ совѣмъ не думалъ о церковной музыкѣ, пока интронизація эрцгерцога Рудольфа, его ученика и друга, архіепископомъ ольмюцскимъ не подала ему повода написать музыку въ ознаменованіе этого торжества. Бетховень взялся за новую мессу, но, во время работы, первоначальный планъ произведенія постепенно расширялся и раздвинулся, наконецъ, до тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, которыми теперь удивляетъ „Торжественная

Современная индийская живопись: Богиня Дурга, карающая грешника.

месса“, совершенно непригодная, конечно, для богослужебного исполнения.

Бетховенъ былъ глубоко-религіозной натурой. Въ его религіозномъ міросозерцаніи страннымъ образомъ перемѣшивались взгляды пантеизма съ постулатами христіанской вѣры. Въ „Торжественной мессѣ“ онъ излилъ всѣ свои личныя религіозныя чувства, нисколько не заботясь о томъ, соответствовали ли они общепринятымъ воззрѣніямъ господствующей церкви или нѣтъ.

Только одинъ разъ при жизни Бетховена „Торжественная месса“ исполнялась цѣликомъ—именно въ Петербургѣ, гдѣ ею восторгался кн. Голицынъ, тотъ самый, по заказу котораго были написаны послѣдніе струнные квартеты Бетховена. Самъ Бетховенъ присутствовалъ лично только при исполненіи трехъ частей своей мессы, въ томъ концертѣ, въ которомъ впервые исполнялась и его девятая симфонія.

„Missa solemnis“ представляетъ необычныя, почти непреодолимыя трудности для исполненія. Бетховенъ писалъ чрезвычайно неудобно для пѣнія, изъявляя по отношенію къ хору чисто „инструментальныя“ требованія. Поэтому исполненіе „Торжественной мессы“ по сіе время считается какимъ-то необыкновеннымъ музыкальнымъ происшествіемъ, даже въ Германіи, гдѣ хоровое пѣніе процвѣтаетъ, какъ нигдѣ.

Нельзя не быть благодарнымъ С. А. Кусевичкову, давшему москвичамъ въ своемъ послѣднемъ концертѣ возможность услышать это удивительное твореніе бетховенскаго генія. Исполненіе было тщательно подготовлено и доказывало на каждомъ шагу любовное отношеніе дирижера къ своему дѣлу. Хоръ Васильева хорошо справился со своей трудной задачей. Недоставало, къ сожалѣнію, только импонирующей звучности громадныхъ хоровыхъ массъ, на которое „Торжественная месса“ рассчитана. Весьма отвѣтственна въ мессѣ Бетховена задача сольнаго квартета. Исполненіе г-жи Большой, г-жи Кобыляцкой-Ильиной и г.г. Алчевскаго и Сперанскаго было если и не идеальнымъ, то, во всякомъ случаѣ, очень добросовѣстнымъ. Оркестръ игралъ превосходно. Умѣлой рукой дирижера звучность его была вполне уравновѣшена съ звучностью хора.

Есть предположеніе, что „Торжественная месса“ будетъ исполняться въ Москвѣ ежегодно. Въ интересахъ поднятія нашего музыкально-культурнаго уровня было бы весьма желательнымъ, чтобы это предположеніе оправдалось.

Конечно, ни дирижеру, ни остальнымъ участвующимъ невозможно съ перваго разу исчерпать всѣ красоты этого гигантскаго по своему содержанію сочиненія. Каждое послѣдующее исполненіе приблизитъ, вмѣстѣ съ участвующими, и публику къ полному уразумѣнію удивительно глубокихъ и прекрасныхъ мыслей бетховенскаго творчества.

Риземанъ.

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО

АНТОНА РУБИНШТЕЙНА.

Въ „Vossische Zeitung“ напечатано чрезвычайно интересное письмо Антона Рубинштейна, доставленное въ редакцію берлинскимъ торговцемъ художественныхъ произведеній и адресованное лейпцигскому издателю Зенффу. Помѣщаемъ это письмо безъ всякихъ комментарій, въ которыхъ оно не нуждается.

„С.-Петербургъ, 11-го сентября 1889 г. Дорогой г. Зенффъ! Сердечное спасибо за ваше дружеское письмо, въ которомъ вы, съ такою добротой, обрисовали всю мою артистическую карьеру. И, несмотря на это, или какъ разъ поэтому, оно настроило меня грустнымъ образомъ. Да, я откровенно и честно сознаю себя, что полнѣйшее разочарованіе является конечнымъ результатомъ

ТИПЫ ТЕАТРАЛЬНОГО БЮРО.

Премьерша—героиня.

Репродукц. воспрещ.

Рис. Девс.

всей моей художественной дѣятельности. Я готовъ пѣть съ царемъ Соломономъ: тщеславіе, одно тщеславіе всѣхъ человѣческихъ дѣяній и исканія, все! То, чему я придавалъ наибольшее значеніе въ моей жизни, во что вложилъ все свое умѣніе и всѣ свои надежды,—моя композиторская дѣятельность потерпѣла неудачу. Какъ композитора меня не хотятъ признавать: ни художники (а на нихъ-то я больше всего надѣялся), ни публика, но ей я скорѣе всего готовъ простить это, и, все-таки, во мнѣ осталось еще такъ много человѣческой слабости, что я воображаю будто тѣ и другіе неправы. Но я самъ виноватъ въ этой неудачѣ, потому что всегда далеко держался отъ всякой партійности, всегда свободно высказывалъ свое мнѣніе относительно того, что мнѣ нравится или не нравится въ музыкѣ, въ особенностяхъ же оттого, что я, какъ композиторъ, не навязывалъ себя людямъ. Повѣрьте мнѣ, что это истина, какъ это ни звучитъ парадоксально. Надо говорить про себя людямъ, называть имъ себя богомъ. Они распинаютъ за это, но, все-таки, вѣрятъ. Магометъ долженъ былъ говорить людямъ, что онъ пророкъ; Вагнеръ, что онъ спаситель искусства и т. д. Меня же всегда удерживала отъ этого философская жилка или склонность къ ироніи, существующая во мнѣ. Однако, это не къ моей выгодѣ, какъ я вижу. Впрочемъ, чортъ возьми, если гора не идетъ ко мнѣ, я, все-таки, не пойду къ ней! Все мое существованіе проникнуто комизмомъ,—да проститъ Богъ это моимъ родителямъ!—но я не могу простить имъ этого, потому что смѣшное соединяется здѣсь съ величайшимъ трагизмомъ. Судите сами. Евреи считаютъ меня христіаниномъ, христіане—евреемъ, русскіе считаютъ меня нѣмцемъ, нѣмцы—русскимъ; педанты—новаторомъ, а новаторы—педантомъ и т. д. Знаете ли вы другой, столь же забавный, примѣръ? Я не знаю! Моя теперешняя дѣятельность представляется мнѣ также нелѣпностью, потому что я,—вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что музыкальное искусство уже абсолютно умерло, что никто не напишетъ

больше даже восьми тактовъ, которые могли бы имѣть какую-нибудь цѣну, увѣренъ, кромѣ того, что и исполнительное искусство, какъ пѣніе, такъ и инструментъ (каковъ бы онъ ни былъ) не годится въ подметки прежнему искусству,—все же продолжаю тратить свое время на то, чтобы учить молодежь и подготавливать ее для композиціи и исполненія, прекрасно понимая, что это совершенно потерянный трудъ. Послѣ всего этого, вы, конечно, поймете съ какою ироніей я отношусь къ предстоящему моему, такъ называемому, юбилейному торжеству. И вотъ, я съ нетерпѣніемъ жду конца своего существованія, на которое я долженъ смотреть, какъ на живую ложь. Я говорю это громко, а втихомолку думаю, что я—олицетвореніе правды передъ лицомъ всеобщей лжи. Но и то и другое одинаково излишне. Прощайте, дорогой г. Зенфъ. Разорвите это письмо и сохраните по прежнему дружеское воспоминаніе о вашемъ, къ сожалѣнію, еще не сошедшемъ съ ума, но больше не занимающемся ни композиціей, ни исполненіемъ, Антонъ Рубинштейнъ.

Перев. Э. П.

СОВРЕМЕННАЯ ОПЕРЕТКА.

Очеркъ Пауля Эртель.

„Оперетка умерла“—это старая жалоба нашего времени, но, конечно, очень относительная, потому что, на самомъ дѣлѣ, оперетка процвѣтаетъ какъ никогда. Самымъ лучшимъ доказательствомъ могутъ служить многочисленные опереточно-фарсовые театры, дѣлающіе блестящія дѣла.

Что же касается авторовъ наиболѣе популярныхъ оперетокъ, то они получаютъ со своихъ произведеній доходъ, прямо-таки, невѣроятный. Такъ, напримѣръ, „Современная Ева“ была одновременно приобрѣтена болѣе, чѣмъ для двухсотъ театровъ, и композиторъ ея Жанъ Жильберъ (Винтерфельдъ) сразу сдѣлался капиталистомъ. За свою „Веселую вдову“ Легаръ получилъ около двухъ милліоновъ франковъ; не хуже обстоятъ дѣла у Лео Фалля, которому, послѣ нѣсколькихъ неуспѣховъ, „Принцесса долларовъ“ принесла кругленькій капиталецъ. И только Оскаръ Штраусъ своими „Веселыми Нибелунгами“ и „Грезами вальса“ не сумѣлъ попасть „въ точку“.

Но, несмотря на этотъ вишній, кажущійся матеріальный успѣхъ, оперетка художественная, дѣйствительно, умерла, и призвать ее къ жизни можетъ только гений. Должны вернуться времена Юганна Штрауса, времена „Летучей Мыши“.

До сихъ поръ и для будущихъ временъ эта оперетка служитъ образцомъ легкой музыки; въ ней есть „музыкальная мысль“ цѣлой эпохи, великолѣпные, почти сплошь выигрышные номера, изящный сюжетъ, тонкость художественнаго рисунка, прекрасный діалогъ—именно все то, чего недостаетъ современной опереткѣ, которая отъ этихъ вершинъ истиннаго искусства ушла въ область пошлости и тривіальности: вѣдь, ничто въ свѣтѣ не можетъ сравниться съ пошлостью избитаго „уличнаго“ мотива, а именно за такой „уличностью“ и гонятся современные композиторы легкой музыки. Еще Францъ ф. Зуппе и Миллекеръ сумѣли удержаться въ границахъ должнаго; въ своей области, они были даже гениальны. По ихъ стопамъ шель Артуръ Суливанъ въ своемъ „Микадо“, но уже призракъ тривіальности потряхивалъ здѣсь своимъ шутовскимъ колпакомъ; а выступленіе Целлера съ „Продавцомъ птицъ“ провело ясную демаркационную линію между прошлымъ и настоящимъ. По ту сторону осталась „старая оперетка“ съ ея традиціями и музыкальнымъ „вѣсомъ“, по эту сторону—пышнымъ цвѣтомъ надлежало распуститься новой опереткѣ, опереткѣ-фарсу, въ которой намѣчалась исключительная тяга къ популярной музыкѣ, къ изобрѣтенію и отысканію общедоступныхъ мотивовъ.

Все стало непачительнымъ, поверхностнымъ; приторно-сентиментальные мотивы явились преобладающими. И, въ концѣ-концовъ, всѣ мелодіи стали походить другъ на друга.

Не мало способствовалъ укорененію этого „дурного вкуса“ англичанинъ Сидней Джопсъ своей опереткой „Гейша“. Здѣсь онъ такъ прямо поддѣлался подъ уровень требованій „большой публики“ и, конечно, стяжалъ лавры и доллары.

Такъ развивалась за послѣдніе годы, все больше приходя въ упадокъ, легкомысленная сестра оперы.

Конечно, главную привлекательность хорошей оперетки составляетъ легко-запоминаемая мелодія въ ритмѣ танца, но, сохраняя свою „удобопонимаемость“, эта мелодія не должна превращаться въ шарманку. Оперетка не можетъ и не должна оставаться въ сторонѣ отъ музыкальных теченій современности; даже такая тонкая гармонизація, какъ у Дебюсси, можетъ оказать ей громадную услугу.

Въ настоящее время у насъ есть три композитора: Фалль, Легаръ, Оскаръ Штраусъ; они могли бы поставить оперетку на гораздо болѣе высокой, музыкальный уровень, возродить традиціи Штрауса и Оффенбаха. Но несомнѣнно одно: опереточный гений долженъ еще притти и совершить переворотъ.

И, можетъ быть, время это не за горами.

Перев. О. К.

АРХИТЕКТУРА, ВАЯНІЕ И ЖИВОПИСЬ.

Весенняя выставка картинъ
въ Академіи Художествъ.

Въ трескучіе морозы открылась въ Академіи „весенняя“ выставка. Это—типичная выставка для „большой публики“; тутъ есть „товару всякаго“, чуть ли не отъ „Міра Искусства“ до „О-ва петербургскихъ художниковъ“. Если желаете новаторства—есть и оно, въ мѣру „приличное“, шокировать васъ, во всякомъ случаѣ, не

будетъ. Главная масса—сѣрая посредственность; есть же вещи прямо недопустимыя. Приходится изумляться, чѣмъ могло руководствоваться жюри, принимая такіе „шедевры“, какъ: „Люди“, „Кн. Бытія, гл. 6“—Пояркова, „Сумерки“ Дитанъева и др. Также непонятна раздача премій: напримѣръ, премія выдана художнику Харитонову за безвкуснѣйшую вещь „На качеляхъ“, тогда какъ, можетъ быть самыя интересныя на выставкѣ, вещи Тилле совершенно не удостоились преміи; одиѣ изъ наиболѣе выдающихся—картины г-жи Э. О. Баклундъ—награждены всего лишь XI-й преміей, Бродскій получилъ IX премію и т. д. Непонятны, наконецъ, и произведенныя покупки картинъ—куплены многія вещи хуже посредственныхъ, тогда какъ достойныя—остались и не поощренными и не купленными. Приобрѣтенія эти предназначаются для разсылки по провинціальнымъ музеямъ. Не дурно бы помнить господамъ покупающимъ картины, что сказалъ объ этихъ „подаркахъ“ Александръ Н. Бенуа на съѣздѣ художниковъ—что они, „къ чести провинціальнымъ музеямъ“, остаются гнить въ подвалахъ за ихъ полной непригодностью.

Ядро выставки представляют питомцы Академии, захватившие власть в свои руки. Эти „лучи солнца“ и не свѣтятъ, и не грѣютъ. Рекламируемые мелкой газетной прессой, создающей имъ успѣхъ у публики, они довольно умѣло фальсифицируютъ искусство. Все это—по преимуществу, вещи дурного вкуса, при чемъ диапазонъ его отѣнковъ весьма обширенъ.

Постараюсь сначала отмѣтить наиболее достойное вниманія. Какъ уже упомянуто мной, очень интересныя вещи далъ И. Г. Тилле; въ нихъ, несомнѣнно, есть какъ бы преднамѣренный налетъ старинности, но вы сразу, какъ-то, чувствуете всю искренность подхода художника къ своей задачѣ; всѣ тона приведены въ благородную гармонию, усиливающую достоинства рисунка и лѣпки. Особенно хороши женскій портретъ, написанный съ незауряднымъ мастерствомъ, а также портретъ дѣвочки. Нельзя пройти безъ похвалы нѣкоторымъ вещамъ А. О. Никулина, носящимъ отблескъ привлекательной индивидуальности; таковы его „Могила“—каменные бабы на фонѣ далекихъ горъ, „Рѣка Коргонъ на Алтаѣ“, „Озеро Байкаль“—интересная свѣтовая задача зарева солнца, просвѣчивающаго сквозь брызги волнъ, разбивающихся о скалы.

Изъ вещей Э. О. Баклундъ особенно слѣдуетъ отмѣтить: „Портретъ дѣтей Б“ на фонѣ березовыхъ стволовъ, „Дѣвочка съ голубыми тарелками“, „У краснаго туалета“, „Портретъ г-жи Е.“ и „За работой“. Всѣ онѣ хороши по рисунку и пріятны по тому мягкому разсѣянному свѣту, которымъ онѣ окутаны.

Небольшія, проникнутыя какою-то нѣжностью вещи далъ Н. И. Шестопаловъ. Хотѣлось бы видѣть выступленіе художника въ болѣе серьезныхъ вещахъ; думается, что онъ могъ бы дать въ нихъ много интереснаго, своего.

Есть недурныя вещи среди произведеній: Зарубина (I-я премія)—„На Нормандскомъ берегу“, „Palazzo Ducale“ (Венеція), „Тревога“; Демьянова—„Авентинскій холмъ“; Андреева—„Дѣвочка съ пѣтухомъ“; Д. Мартена—„Въ глуши нашего Сѣвера“ и др.

Много толковъ вызываютъ вещи И. Бродскаго: восторгаются его мастерствомъ, его графикой и пр., но на меня вещи его производятъ тягостное впечатлѣніе, и вотъ почему: несомнѣнно, художникъ онъ культурный, гораздо культурнѣе многихъ своихъ товарищей—„лауреатовъ“, въ немъ вы чувствуете большое знакомство съ западнымъ искусствомъ и съ нашимъ—русскимъ, но главная губительная сторона его творчества—чрезвычайный эклектизмъ. Выставлено имъ 8 вещей, и при первомъ бѣгомъ взглядѣ я уже нашелъ въ нихъ лики шести художниковъ, какъ напримѣръ: Богаевскій, Савиновъ („Италія“), Сомовъ („Фейерверкъ“), Зулоага („Старый городъ“—именно площадь, а въ другомъ и здѣсь найдете опять Богаевского) и даже отчасти Кустодіева („Праздничный день“) и Мительмана (!) („Вечерѣтъ“, „Этюды“) и пр. Конечно, все это не говоритъ въ пользу художника, который, обладая большими способностями и выучкой, не находитъ въ себѣ достаточно самостоятельности, чтобы не отражать другія индивидуальности, давая мінімумъ своего. И, всетаки, справедливость требуетъ признать, что онъ заслужилъ, во всякомъ случаѣ, не IX-ю премію, а гораздо высшую; впрочемъ, вопросъ о преміяхъ и въ принципѣ, и на практикѣ остается вполне открытымъ; уже самый характеръ ихъ, какъ бы благотворительный, носить на себѣ отпечатокъ чего-то обиднаго, а съ другой стороны—нарождается „потрафленіе“ вкуса жюри...

Есть на выставкѣ и „большія“ вещи, но утѣшительнаго онѣ даютъ очень мало. Весьма дешевая аллегорія г. Вещилова: „Начало конца“, изображающая Наполеона I, скачущаго среди снѣговъ Россіи, рядомъ со смертью и въ сопровожденіи ангела, или генія войны, съ огненнымъ мечомъ,—скверно нарисована и написана. Смѣсь Рѣпинскихъ „Запорожцевъ“ съ Вещиловскимъ „Разиньмъ“ (какое сочетаніе!) далъ Александровъ въ своемъ „Стѣнкѣ

СОВРЕМЕННАЯ ИНДІЙСКАЯ ЖИВОПИСЬ.

Тримурти (индійская Троица): Брама — создатель (слѣва), Сива — разрушитель (справа) и Вишну — возстановитель (справа).

Разинѣ“. Довольно сомнительное по красотѣ и банальное по композиціи и рисунку „Декоративное панно“ выставилъ Эберлингъ. Безконечно тоскливо смотрѣть на обиліе пейзажей Ст. Колесникова, выработавшаго весьма незамысловатый приѣмъ для стряпни своихъ „черноземныхъ“ пейзажей.

Обычно устраиваемая въ отдаленныхъ углахъ академическаго зданія посмертныя выставки очень напоминаютъ морги. На нихъ выносятся безъ разбора все, что самимъ художникомъ было заброшено куда-нибудь и забыто... Кажется, было бы гораздо осторожнѣе избѣгать столь проблематическихъ „чествованій“, а между тѣмъ и на этой выставкѣ имѣются двѣ посмертныя: А. Н. Степанова и Свищевского, носящія такой же неосмотрительный характеръ.

Скульптуры на выставкѣ очень мало, и дѣйствительно художественнаго не дано ничего.

Выставка картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Устроенная попечительствомъ о бѣдныхъ г. Петербурга выставка картинъ старыхъ мастеровъ русскихъ и иностранныхъ составлена, главнымъ образомъ, изъ коллекцій И. Лѣсникова, бывшаго нѣкогда Петербургскимъ городскимъ головой.

Выставка производитъ весьма пестрое впечатлѣніе, какъ по тому, что рядомъ съ вещами хорошими находятся очень слабыя, такъ и по той колоссальной амплитудѣ въ величинѣ самихъ художниковъ. „Какъ конь и трепетная лань“ не совмѣстимы, напримѣръ, Тинторетто и... Горюховъ, Сальваторе Роза и... Каразинъ...

Конечно, очень многія картины безъ достаточнаго основанія и осторожности приписаны такимъ мастерамъ, какъ Рембрандтъ, Ванъ-Дикъ, Снейдерсъ, П. Веронезе, Ванъ-деръ-Гельстъ и др. Впрочемъ, вполне правильно оказалась атрибуція кисти Тинторетто дѣйствительно превосходнаго портрета молодого человѣка, что подтверждено такими знатоками стараго искусства, какъ старшій хранитель Эрмитажа Э. фонъ-Липгартъ и академикъ М. П. Боткинъ. Около этого портрета поднялся большой шумъ. Еще до опредѣленія автора портрета, послѣдній былъ купленъ коллекционеромъ—генераломъ Хрулевымъ за 2000 рублей, теперь же, конечно, цѣнность его значительно повысилась.

Кромѣ этого портрета, изъ итальянской школы интересны слѣдующія работы: С. Риччи „Римскій сюжетъ“, красивый декоративный этюдъ, въ которомъ чувствуются отклики пышныхъ пировъ П. Веронезе и Тиэполо; „Портретъ кардинала“ кисти Д. Креспи, нѣсколько скучноватый по колориту, но весьма недурной по выразительности; въ его же „Св. Семействѣ“, неприятомъ по тону и слабому по композиціи, — хороша женская фигура на первомъ планѣ справа, держащая свивальникъ. Очень пріятна картина Сальватора Розы—„Рыбаки“, и имѣетъ нѣкоторыя достоинства весьма условная живопись Гверчино: „Два апостола“.

Изъ французовъ слѣдуетъ отмѣтить П. Миньяра и Ораса Верне—у перваго мужской портретъ, у втораго двѣ женскія головы.

Интересны также: мужской портретъ кисти Н. Е. Ріккену, „Кавалькада“ — Carel Falens и „Городъ Любекъ“ Исаака Остате.

Русскихъ художниковъ довольно много. Хороши два Венеціанова — „Купальщицы“ и „Портретъ Бибикова“ (пастель), а также „Женскій портретъ“—раб. Левицаго. Весьма сомнительнымъ показался намъ женскій портретъ, приписанный О. Кипренскому. Много типичныхъ работъ Айвазовскаго; есть вещи К. Брюллова („Старикъ“), Рокотова (?), Якоби, Зичи, Судковскаго, Зарянка и др. Имѣется на выставкѣ также работа Н. Н. Ге—„Портретъ генеральши Ахшарумовой въ дѣтствѣ“, но она ничего не придаетъ новаго къ творчеству этого большого художника.

1-я выставка художественныхъ произведений артистовъ.

Въ одной изъ залъ Общества поощренія Художествъ открылась выставка картинъ артистовъ. Большинство произведеній носить, конечно, диллетантскій характеръ работъ для отдыха, но нѣкоторыя, безусловно, отмѣчены печатью крупнаго дарованія и даже мастерства. Таковы всѣ произведенія Н. Г. Легата — шаржи на артистовъ и сценическихъ дѣятелей; Поля Робера, — шаржи и нѣкоторыя работы съ натуры; графика П. И. Гончарова; рисунки О. И. Шаляпина (автопортретъ, рисунки гримовъ для Филиппа II, Ивана грознаго и Донъ-Кихота). Нѣкоторыя вещи И. В. Ершова тоже говорятъ о его способностяхъ къ живописи; и, право, многія произведенія артистовъ смотрятся куда съ большимъ интересомъ, чѣмъ творчество, помѣстившихся въ сосѣднихъ залахъ художниковъ-профессионаловъ („Передвижники“).

Выставка эта, помимо прямого интереса, любопытна еще и потому, что лишній разъ подтверждаетъ связь способностей къ рисованію и живописи съ тонкимъ проникновеніемъ въ роль, а особенно съ художественностью грима. Мы знаемъ, какъ помогали художественныя способности такимъ великимъ артистамъ, какъ Самойловъ, Каратыгинъ, Стравинскій, и видимъ теперь, на примѣрахъ Шаляпина, Ершова, Самойлова, Чупрыникова и другихъ, какъ счастливо сочетаются ихъ занятія живописью съ художественностью воплощенія образовъ ихъ сцениче-

скихъ героевъ. Можно пожалѣть, что на выставкѣ не представлены еще очень многіе артисты, занимающіеся рисованіемъ, какъ на примѣръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ грима, Лебединскій.

Выставка фарфора фабрики Wedgwood..

Въ нижнихъ залахъ Академіи Художествъ нашла себѣ пріютъ чрезвычайно изящная и интересная выставка фарфора и керамики знаменитой англійской фирмы Веджвудъ. Здѣсь можно отдохнуть отъ грубаго безвкусія современнаго фарфороваго производства и даже испытать минуты восхищенія, которыя помогутъ забыть неприятности, пережитыя на многихъ изъ „художественныхъ“ выставокъ, въ такомъ изобиліи открывшихся сейчасъ въ Петербургѣ.

Фирма Веджвудъ существуетъ съ начала XVIII вѣка и чуть ли не съ конца XVII-го, пользуясь до сихъ поръ заслуженной славой.

Главный интересъ на выставкѣ представляетъ часть знаменитаго „лягушачьяго сервиза“, исполненнаго около 1773 г. по заказу Императрицы Екатерины II-й для Чесменскаго дворца, построеннаго въ мѣстности, носившей названіе лягушачьяго болота.

Сервизъ состоитъ изъ 952 предметовъ и украшенъ 1200 видами, преимущественно англійскими, специально исполненными съ натуры; 1244 изображенія лягушки (откуда и названіе сервиза) сдѣланы художникомъ Н. Куперъ. Въ настоящее время сервизъ этотъ хранится въ Англійскомъ дворцѣ въ Петергофѣ и, вѣроятно, въ ближайшемъ времени будетъ переданъ въ Императорскій Эрмитажъ.

Императрица Екатерина II заплатила за сервизъ 3000 ф. ст.; теперь же цѣнность его не поддается опредѣленію.

Чрезвычайно художественныя вещи дали многіе русскіе коллекционеры, какъ кн. Долгорукій, Шаховской, княгиня Оболенская, Дурново, Гриневъ, Марсеру и другіе.

Устроена выставка по инициативѣ П. П. Марсеру, причемъ весьма изящное декоративное убранство ея выполнено по проекту И. А. Фомина.

Всеволодъ Воиновъ.

КЪ НАШИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМЪ.

Вышеприведенные образцы современнаго индійскаго лубка только что привезены изъ Калькутты нашимъ сотрудникомъ г. Ал. Мунскимъ. Они являются яркимъ выраженіемъ индійскихъ народныхъ вѣрованій и интересны, какъ примѣры той мощной фантазіи, которую до сихъ подъ развѣртываютъ индусы въ своихъ религіозныхъ представленіяхъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ оригиналахъ приведенныя картины по краскамъ и рисунку производятъ несравненно лучшее впечатлѣніе, чѣмъ нашъ русскій лубокъ.

1. Богиня Дурга — жена Сивы, бога-разрушителя, представлена здѣсь въ тотъ моментъ, какъ она караетъ грѣшника по приказу своего мужа. На это ей даны десять рукъ, каждая изъ которыхъ держитъ какое-либо орудіе наказанія: копье, стрѣлу, змѣю и т. д. Въ томъ же дѣлѣ служить ей обычно сопровождающій ее левъ. Слово Дурга означаетъ — трудно доступная. Смягчить гнѣвъ богини, по народнымъ представленіямъ, можно лишь кровавыми жертвоприношеніями. Въ старину, на ея алтаряхъ рѣзали младенцевъ, теперь, главнымъ образомъ, приносятъ въ жертву быковъ. На картинѣ изображена внизу голова убитаго въ честь богини быка. Въ верхней дугѣ—индійскій Олимпъ: трехглазый Сива въ центрѣ, слѣва на тронѣ Вишну—богъ роста и процвѣтанія, справа пастушокъ Кришна, играющій на сви-

рѣли— богъ любви. Ниже, повидимому, божественныя жены, отражающія натискъ наступающаго на Олимпъ человѣчества. Въ числѣ свиты богини, слѣва, внизу, ея сынъ Ганешъ съ головою слоненка— богъ наукъ и искусствъ. Справа внизу верхомъ на павлинѣ другой сынъ Сивы и Дурги С ан б р а — богъ войны. (по иной верси онъ сынъ Сивы и огня).

2. Дурга является въ нѣсколькихъ образахъ: Бхаирави — страшной, Парвати— горной или, какъ на приведенной картинѣ, Кали— черной. Богиня поражаетъ чье-то войско отъ имени Сивы, въ знакъ чего его третій глазъ на мечѣ. По преданію, все, на что обращается этотъ третій глазъ, подлежитъ разрушенію. Тотъ же третій глазъ на лбу воина— знакъ покорности Сивѣ. Обычно сиванты ставятъ на лбу ежедневно лишь бѣлую или красную

точку. Для Кали характерно ожерелье изъ череповъ или, какъ здѣсь, изъ человѣческихъ головъ— мундамала.

3. Тримурти — тріединство. Для современнаго индійскаго міровоззрѣнія характерно, что въ центрѣ поставленъ не Брама, создатель и первооснова міра, а Сива, разрушающій больное и грѣшное тѣло земли. Но его послѣдователи считаютъ его также возстановителемъ (откуда символомъ ему служитъ линга-фаллусъ), а также воплощеніемъ правосудія, огня, солища, времени и т. д., а Брамъ и Вишну отводятся лишь второстепенную роль. Внизу, среди львовъ — Гаруда, мифическая птица, на которой летаютъ боги.

4. Ганешъ, сынъ Сивы и Парвати,— богъ наукъ и искусствъ, а также покровитель ремесленниковъ.

Виньетка Деве.

„ВОРОНЫ ПЕРЬЯ ИЗЪ ПАВЛИНЬЯГО ХВОСТА“.

„Борцы за искусство“ подводятъ итоги сезона и готовятся къ гастролямъ. Оттачиваютъ перья, подъ шумокъ открываютъ Америки. Слышатся лирически-сладостные вздохи.

— Длинная лента въ 5,000 метровъ!

— Камилло пишетъ театральныя рецензіи. Помните, какъ въ „Кривомъ зеркалѣ“.

— Сіянсь начинается... Миша, верти!

„Минское Слово“— г. „Онъ“.

Театръ и Искусство.

20-го февраля, въ городскомъ театрѣ состоится первая гастроль передвижнаго художественнаго театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской.

Не трудно предришить матеріальный успѣхъ предстоящихъ спектаклей. Минчане потчивались въ послѣднее время выдающейся театральной рутинной и съ удовольствіемъ пойдутъ замѣнить накопившуюся „художественную“ приторность болѣе истиннымъ, художественнымъ впечатлѣніемъ. Надо полагать, что желаніе это не встрѣтится съ разочарованіемъ. „Духъ, красота и грезы“— вотъ девизъ гастролирующихъ у насъ гостей, неоднократно ими воплощавшихъ въ самыхъ дивныхъ формахъ. Здѣсь прежде всего искусство, искусство и искусство. Въдь не напрасно предусматриваются всякія мелочи, вплоть до полнаго неприкосновенія къ дверямъ зала по поднятіи занавѣса. Несомнѣнно, это результатъ глубокаго убѣжденія, что ничтожнѣйшая мелочь можетъ помѣшать великому откровенію искусства.

Пожелаемъ успѣха нашимъ гостямъ и охотно пойдёмъ посмотреть ихъ игру.

И мы пожелаемъ.

Пожелаемъ г. Гайдебурову помнить, что ничтожнѣйшая мелочь можетъ помѣшать „великому“ откровенію искусства.

Пусть „неприкосновеніе“ къ дверямъ зала по поднятіи занавѣса распространится на г. Онъ и до поднятія!

Пожелаемъ „дальнѣйшаго успѣха“ вашимъ критическимъ замѣткамъ г. Онъ.

„Трудовая Газета“ (Николаевъ).

„У малороссовъ“.

Хорошо и весело прошелъ третьяго дня у малороссовъ дивертисментъ.

Танцоры такъ увлекательно танцуютъ, что ихъ можно съ удовольствіемъ смотреть каждый день. Это — нѣкоторымъ образомъ— малорусскій балетъ.

Танцуютъ малороссы, дѣйствительно, что называется, съ душой. Только въ примитивномъ народномъ малорусскомъ театрѣ можетъ сохраниться такое цѣльное инстинктивное чутье музыки тѣла. Въ каждомъ движеніи чувствуется избытокъ силы, молодости, опяняющей радости земного бытія. Тутъ примитивный танецъ соприкасается съ самыми послѣдними исканіями въ этой области Дунканъ, Далькроза и другихъ.

Намъ лично приходилось видѣть Далькроза и Дунканъ на „вечерницахъ“ въ Художественномъ театрѣ.

Далькрозъ и Дунканъ такъ откалывали го п а к а, что „глытай абожь павукъ“ пересталъ тянуть „горілку“, а толстый Пацюкъ отъ удивленія закрылъ ротъ и галушки перестали прыгать съ тарелки.

„Цыганка Аза“ Старицаго.

Въ этомъ спектаклѣ впервые передъ нашей публикой выступила г-жа Боярская. Какъ драматическая артистка, г-жа Боярская оказалась болѣе интересной, чѣмъ тѣ, которыя участвовали въ предыдущихъ спектакляхъ.

Манера играть драму у г-жи Боярской довольно тонкая и сценически правдивая.

У г-жи Боярской недурной голосъ, но очень слабы и тусклы низы и середина.

Г-мъ, г-мъ... „А не опуститъ ли намъ занавѣску?“

„Терекъ“ г. В. А.

Р. S. Въ рецензію мою о первомъ спектаклѣ вкралась досадная ошибка, происшедшая не по моей винѣ. Какъ оказывается, роль Оксаны исполнила г-жа Зарницкая, а роль Одарки г-жа Радецкая. Подобная ошибка произошла вслѣдствіе того, что въ программѣ были перепутаны фамиліи. Такимъ образомъ, все, что мною говорилось о г-жѣ Радецкой должно относиться къ г-жѣ Зарницкой и обратно. Кстати исправлю и свою ошибку: подношенія были не г. Суслову, а г. Глазуненко.

Такъ пишется исторія.

Совсѣмъ наоборотъ!

Не Оксана, а Одарка,

„Кстати“, Суловъ безъ подарка!

Теноръ Смирновъ за-границей.

Репродукц. воспрещ.

Каррик. Деве.

„Утро Сибири“ (Томскъ).

Леонидъ Николаевичъ Андреевъ—писатель съ чуткой душой, держится все время нервно, интригуя читателя непостоянствомъ. Онъ то пишетъ въ мрачномъ жанрѣ стараго реализма, то просто стилизуетъ свои философскіе взгляды, то впадаетъ въ истерическую лирику, то ищетъ исхода въ блѣдномъ, худомъ, туманномъ символизмѣ. Въ „Дняхъ нашей жизни“ авторъ попытался дать жанровую картинку студенческаго быта 90-хъ годовъ.

Пьеса недурна въ мелкихъ деталяхъ.

Леонидъ Николаевичъ! Не держитесь все время нервно! Зачѣмъ вы ищете исхода въ блѣдномъ, худомъ, туманномъ символизмѣ?

Стилизируйте свои философскіе взгляды—это намъ больше нравится!..

„Одесская Жизнь“—г. Егору Егоровъ.

Театръ Сибирякова.

„Золотая клетка“—комедія Острожскаго.

Эта интересная и захватывающая пьеса была поставлена въ субботу въ бенефисъ даровитой артистки Л. И. Огинской. Выборъ пьесы показывает тонкое художественное чутье бенефициантки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея нѣкоторое мужество, ибо въ пьесѣ имѣется одно мѣсто (4-й актъ), которое едва ли можетъ понравиться гг. прогрессистамъ.

Пишущій эти строки видѣлъ на своемъ вѣку не мало артистокъ. Но съ увѣренностью могу сказать, что за послѣдніе двадцать лѣтъ своего близкаго знакомства съ русской сценой—артистки, подобной Л. И. Огинской—я не встрѣчалъ.

Сила выраженія, богатѣйшая, можно сказать, идеальная мимика, наравнѣ съ царственной пластикой тѣла—все это создавало такой чарующій, полный дивной красоты образъ, что бенефициантка положительно не давала возможности замѣтить другихъ исполнителей.

Приходится прійти къ весьма невыгодному для г. Басманова заключенію: ясно, что Л. И. Огинскую нарочно затирали, не давали подходящихъ ролей,

однимъ словомъ, не хотѣли выдвигать этотъ могучій, красивый, можно сказать, огромный талантъ.

И выдавшему виды человеку положительно невозможно было оторваться отъ бинокля. Повторяю—Л. И. Огинская въ этотъ день заставила забыть всѣхъ царицъ русской сцены. И невольно съ болью рождается вопросъ: гдѣ она была до сихъ поръ? Почему наша сцена, наше родное искусство не отвело ей того мѣста, которое ей слѣдовало бы занимать по силѣ своего таланта—т. е. впереди всѣхъ?

Можно сказать, что бенефисъ Л. И. Огинской былъ положительно праздникомъ для насъ, русскихъ одеситовъ.

Уже при входѣ въ театръ въ этотъ вечеръ чувствовалась совершенно необычная обстановка. Охватывало чѣмъ-то необычнымъ, но бесконечно роднымъ и хорошимъ. Бросалась въ глаза присутствіе массы казаковъ (г-жа Огинская—донская казачка) и вообще мундировъ.

Пишущій эти строки видалъ разныхъ рецензентовъ... Но съ увѣренностью можетъ сказать, что за послѣдніе 20 лѣтъ подобнаго г. Егору Егорову не встрѣчалъ.

Гдѣ онъ былъ до сихъ поръ?

Ясно, что его все время нарочно затирали и не хотѣли выдвинуть этотъ, можно сказать, могучій талантъ.

Бѣдная г-жа Огинская!

Правый рецензентъ не всегда правъ бываетъ.

Никогда не позволяйте пылкимъ рецензентамъ приходить въ молитвенное настроеніе...

Не жалѣютъ и лба!..

Pro domo sua.

Г. I. В. изъ „Вятской Рѣчи“ обидѣлся и требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ и дополненій.

Охотно дѣлаемъ ихъ.

Г. I. В. обижается, что рецензія о Медеѣ (еще!) обойдена молчаніемъ. Что дѣлать, нельзя объять необъятного. Мы обошли молчаніемъ еще и рецензію „Большіе и Маленькіе“ и „Частное Дѣло“, и это къ лучшему для васъ, сударь...

Согласны исправить ошибку. Христіанія не въ Пермской губерніи... Да врядъ ли этому кто-нибудь серьезно повѣрилъ! Вы были въ Христіаніи! Извиняемся за сомнѣнія.

Гуиннплэнь.

АНЕКДОТЫ И ПРОИСШЕСТВІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ АРТИСТИЧЕСКАГО МІРА.

(Изъ журнала „Die Musik“).

ЮБИЛЕЙ ХОРИСТА.

Хористъ и статистъ А.—гордость и украшеніе нашей казенной оперы вовсе не честолюбивъ, наоборотъ: онъ вполне согласенъ съ тѣмъ, что у Карузо голосъ лучше, чѣмъ у него. Но только у Карузо. Позавчера А. справлялъ свой десятилѣтній юбилей и прислалъ намъ по этому поводу четыре фотографическихъ карточки въ своихъ четырехъ заглавныхъ роляхъ: 1) Медвѣдъ въ „Зигфридъ“, 2) Хоръ за сценой въ „Миньонъ“, 3) Дикій кабанъ въ „Фрейшютцъ“, 4) Лѣвая нога дракона въ „Зигфридъ“—особенно удачна послѣдняя: въ ней А. положительно неузнаваемъ.

ВУНДЕРКИНДЪ.

Анжелика N.—знаменитая „Вундеркиндъ“—очаровательное существо. Судя по концертной программѣ ей минуло едва двѣнадцать лѣтъ. Но играетъ она уже какъ взрослая и для своего дѣтскаго возраста обладаетъ весьма развитыми формами. Еще пять лѣтъ тому назадъ, когда она концертировала, я имѣлъ счастье замѣтить: „для двѣнадцатилѣтней дѣвочки она немного... того... но—молчаніе“!..

На самомъ дѣлѣ, странно видѣть ее, сидящей передъ фортепіано, въ коротенькой юбочкѣ... Не совсѣмъ, какъ будто, при-

лично. На вчерашнемъ концертѣ меня поразила ея, какая-то особенная, разсѣянность: вмѣсто Баха она сыграла Шопена, но къ счастью, музыкальные критики этого не замѣтили.

— Что такое съ малюткой?—спросилъ я въ антрактѣ ея импрессарио.

— Ахъ! Она сегодня такъ радостно взволнована, просто на седьмомъ небѣ!

— Ей подарили новую куклу?—допытывался я.

— Н... нѣтъ,—замаялся импрессарио, осторожно оглядываясь по сторонамъ,—но сегодня она получила телеграмму, въ которой ее извѣщаютъ, что у нея родилась... внучка!

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ.

Однажды извѣстная пѣвица миссъ Валькеръ была приглашена на обѣдъ въ одинъ изъ шикарныхъ Гамбургскихъ ресторановъ. Собралось большое общество. Когда миссъ Валькеръ направлялась къ столу—лакей хотѣлъ взять у нея ея великолѣпное мѣховое боа.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Съ этимъ мѣхомъ я никогда не расстаюсь!—воскликнула пѣвица,—я его берегу, какъ зеницу ока. Онъ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ моего громаднаго присутствія духа!..

— Въ чемъ дѣло?—посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы. И миссъ Валькеръ рассказала слѣдующее происшествіе:

— Это было въ Санъ-Франциско, гдѣ гастролировала вся наша труппа. Жили мы, конечно, въ одномъ отелѣ и вотъ, однажды, въ пять часовъ утра я чувствую, что моя комната качается какъ пьяная.

Землетрясеніе!—сразу догадалась я, и какъ была, въ одной легкой ночной сорочкѣ, такъ и выбѣжала въ коридоръ, а оттуда на лѣстницу. Конечно, всѣ были уже налицо, блѣдные, испуганные и... о, Боже! Въ какихъ костюмахъ! Но директоръ отеля, знатокъ тамошнихъ землетрясеній, преспокойно объявилъ намъ:

— Господа, второй ударъ послѣдуетъ не ранѣе, чѣмъ черезъ десять минутъ: вы успеете еще пойти въ свои комнаты и захватить самое необходимое.

Всѣ разбѣжались и черезъ пять минутъ вернулись...

Вотъ, когда я убѣдилась, что слабый полъ куда находчивѣе сильнаго: я захватила этотъ мѣхъ, который мнѣ очень пригодился, а моя товарка—капотъ и верховые сапоги,—это было тоже довольно разумно. Но что принесли съ собой мужчины? Карузо—ничего: онъ стоялъ на площадкѣ въ своемъ очаровательномъ костюмѣ, плакалъ и молился. Скотти принесъ газету и диванную подушку (замѣтьте, что костюмъ его оставлялъ желать тоже много лучшаго). Капельмейстеръ Герцицъ торжественно несъ... въ одной рукѣ зубную щетку, въ другой—бутылочку воды для зубовъ—свой, туго набитый кошелекъ, онъ, конечно, забылъ на столѣ, и, наконецъ, знаменитый Бургшталлеръ, байретскій Парсифаль, явился съ гребешкомъ и съ живой курицей подъ мышкой. Какъ она ему попалась—никто никогда такъ и не узналъ. И ради этихъ сокровищъ всѣ они рисковали жизнью!

О, мужчины, властители міра!

Перев. О. К.

ЗА РУБЕЖОМЪ.

МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

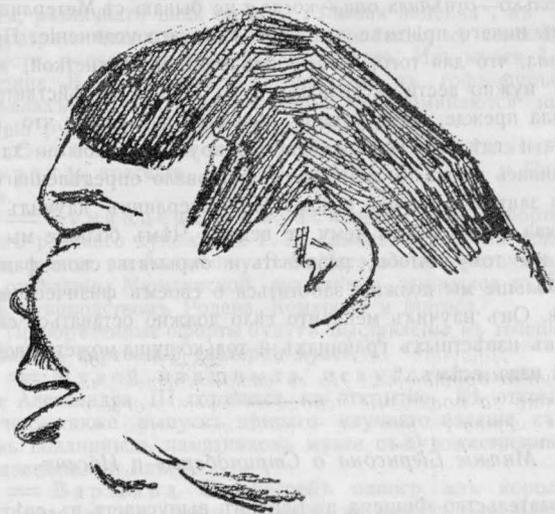
Королева—противница брака.

Стриндбергъ выводитъ въ одной изъ своихъ драмъ знаменитую шведскую королеву Христину, дочь Густава Адольфа, похождения которой въ XVII вѣкѣ гремѣли на всю Европу. Это была замѣчательно умная и образованная женщина; пріятельница Декарта, которой послѣ ея отреченія отъ престола, дали насмѣшливое прозвище „королева безъ королевства“. Она была убѣжденной противницей брака, но отнюдь не была противницей мужчинъ, какъ это указываютъ имена Пиментелли, Штейнберга, Мональдески, которые были ея любовниками. Но когда

ее хотѣли склонить къ браку, то она заявляла: „Къ чему? Я могу и такъ произвести на свѣтъ Нерона или Августа!“ Въ своихъ запискахъ она приводитъ изреченіе Сократа: „Будешь ли ты женатъ или нѣтъ, ты въ обоихъ случаяхъ будешь раскаиваться“, прибавляя съ своей стороны: „Что меня касается, то я думаю, что каждый человѣкъ, вступившій въ бракъ, потомъ раскаивается, но я совѣмъ не вижу, зачѣмъ онъ долженъ раскаиваться, если онъ не сдѣлалъ этого!“ Еще яснѣе она выражаетъ свою мысль въ слѣдующей фразѣ: „Любовь не совмѣстима съ бракомъ. Мужчина и женщина вступаютъ въ бракъ, не зная другъ-друга, а потомъ, когда узнаютъ, то часто начинаютъ другъ-друга ненавидѣть. Въ этотъ ужасный союзъ вступаютъ, не думая о томъ, зачѣмъ они принимаютъ на себя обязательства. Поэтому, для вступленія въ бракъ надо еще больше мужества, чѣмъ для войны“. Однако, королева Христина, всетаки, главную причину всѣхъ неудачныхъ браковъ видитъ въ женщинѣ. Въ ея дневникѣ есть такія строки: „Я питаю непреодолимое отвращеніе ко всему, что говорятъ и дѣлаютъ женщины... Даже добродѣтели женщинъ не годятся для престола!..“

Стриндбергъ не первый заинтересовался оригинальною и гениальною личностью этой королевы и изобразилъ ее въ драмѣ. Впервые она была выведена на сценѣ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ драмѣ Лаубе „Мональдески“, поставленной въ вѣнскомъ Бургъ-театрѣ и имѣвшей колоссальный успѣхъ, причемъ знаменитый актеръ Лудвигъ Лёве игралъ роль Мональдески (любовника королевы, впоследствии убитого ею), а Юлія Рентихъ королеву Христину. Впрочемъ, въ Берлинѣ эта драма не имѣла успѣха и, послѣ нѣсколькихъ представлений, была снята со сцены, но въ Дрезденѣ, благодаря исполненію главной роли Эмилемъ Девриеномъ, она имѣла рѣшительный успѣхъ. Спустя двадцать лѣтъ, а именно въ 1860 г., королева Христина снова появилась на берлинской сценѣ, но на этотъ разъ въ опереткѣ. Эдуардъ Темпельтей, бывший потомъ управляющимъ придворнымъ театромъ въ Готѣ, написалъ либретто этой оперетки, а графъ Редернъ, бывший управляющій берлинскаго придворнаго театра, написалъ къ ней музыку. Оперетку ставили въ Берлинѣ и Гамбургѣ, но она настолько неудачна, что одинъ изъ берлинскихъ остряковъ замѣтилъ про нее: „Въ 1898 г. народъ устраивалъ кошачій концертъ для аристократіи, а теперь, наоборотъ, аристократъ сочиняетъ кошачью музыку для народа!..“

ГАСТРОЛИ „КРИВОГО ЗЕРКАЛА“.

Лукинъ—г. Рычаловъ.

Репродукц. воспрещ.

Рис. Эльскій.

Метерлинк и Жоржетта Леблань.

Супруга знаменитого поэта Метерлинка рассказала одному английскому журналисту, как она познакомилась со своим будущим мужем. До замужества съ Метерлинкомъ Жоржетта Леблань, какъ извѣстно, была пѣвицей и актрисой. „Никогда я не чувствовала себя такой счастливой, какъ въ первые мѣсяцы моего ангажемента въ парижской Opéra Comique, — говоритъ она, — мнѣ приходилось много играть, я получала хорошее жалованье и критика дружески относилась ко мнѣ. Я въ первый разъ попала въ мѣръ артистовъ. До этого времени я воображала себѣ, что это все люди съ благородной, возвышенной душой. Ахъ, какое разочарованіе! Я узнала въ эти нѣсколько мѣсяцевъ больше, чѣмъ во всѣхъ прежніе годы моей жизни. Мои друзья, повидимому, думали, что единственная цѣль моего существованія — это забота о нихъ. Все это угнетало меня, я чувствовала себя несчастной и какъ разъ въ это время я въ первый разъ прочла произведеніе Метерлинка. Это доставило мнѣ утѣшеніе. Тогда я начала читать больше. Мало-по-малу, у меня безсознательно составилось убѣжденіе, что человѣкъ, который написалъ эти произведенія, долженъ сдѣлаться моимъ мужемъ. Я встрѣтила одного знакомаго, который былъ друженъ съ Метерлинкомъ. „Вы должны меня представить ему, — сказала я, — я намѣрена выйти за него замужъ“. Онъ, конечно, счелъ это за шутку. „Вы развѣ видѣли его когда-нибудь?“ спросилъ онъ. „Нѣтъ, я ничего о немъ не знаю. Но онъ тотъ человѣкъ, за котораго я хочу выйти замужъ“, отвѣчала я. „Вы опоздали, бѣдное дитя, — сказалъ мой пріятель съ состраданіемъ — Метерлинкъ уже старикъ“. Мнѣ показалось, что земля заколебалась подъ моими ногами, но я все же сказала ему, что, во чтобы то ни стало, хочу познакомиться съ Метерлинкомъ. Спустя нѣсколько дней, ко мнѣ подошелъ въ одномъ обществѣ молодой человѣкъ и мнѣ его представили, какъ Метерлинка. „Слава Богу, онъ молодъ!“ — невольно вырвалось у меня...

Журналистъ, которому Жоржетта Леблань повѣдала эту исторію, рассказываетъ, что въ огромномъ аббатствѣ Сеннь Вандрилль, гдѣ живетъ Метерлинкъ, господствуетъ гробовая тишина. Въ первый моментъ кажется, будто всѣ эти громадныя залы и коридоры совершенно необитаемы. Дѣйствительно, супруги Метерлинкъ всегда заранѣе сговариваются, гдѣ имъ встрѣтиться, въ какой комнатѣ и въ которомъ часу, такъ какъ иначе имъ пришлось бы пройти весь огромный монастырь, чтобы найти другъ-друга. Только большая столовая и обѣ рабочія комнаты указываютъ, что здѣсь живутъ люди. „Неужели васъ не тяготитъ эта тишина?“ — спросилъ журналистъ Жоржетту Леблань. „Нисколько — отвѣчала она, — когда я не бываю съ Метерлинкомъ, то пѣтъ ничего пріятнѣе для меня, какъ это уединеніе. Прежде я думала, что для того, чтобы быть великой артисткой, непременно нужно вести экстравагантную жизнь. Я, дѣйствительно, не знала прежде, куда у меня дѣваются деньги, на что я ихъ тратила и гдѣ лежать мои вещи. Вокругъ меня былъ хаосъ и я гордилась этимъ. У меня не существовало опредѣленнаго часа ни для завтрака, ни для обѣда. Но Метерлинкъ научилъ меня, что такая жизнь ни къ чему не ведетъ. Чѣмъ больше мы стремимся къ тому, чтобы развивать и окрылять свою фантазію, тѣмъ больше мы должны заботиться о своемъ физическомъ существѣ. Онъ научилъ меня, что тѣло должно оставаться связаннымъ въ извѣстныхъ границахъ и только душа можетъ свободно парить надъ всѣмъ...“

Мнѣніе Біерсона о Стриндбергъ и Ибсенъ.

Издательство Фишера въ Берлинѣ выпускаетъ въ свѣтъ на дняхъ интересное собраніе писемъ Біерсона къ дочери, вышедшей замужъ за сына Генриха Ибсена. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ высказываетъ, между прочимъ, мнѣніе о Стриндбергѣ. „Юлій Стриндбергъ, — говоритъ онъ, — представляетъ въ моихъ глазахъ ничто иное, какъ опытный талантливый, но не здоровый парня, который сидитъ дома и сочиняетъ, и совсѣмъ не слѣдитъ за жизнью. Если мы наблюдаемъ жизнь (а они только

хващаются, что изображаютъ ее!), то все оказывается гораздо проще, не столь необыкновенно. Они же хотятъ непременно произвести сенсацию. Это для нихъ самое главное. Будь спокойна, литература не будетъ такой. Но она такъ долго находилась во власти жеманства и причудъ и уклонялась отъ прямого пути, что теперь естественно долженъ былъ возникнуть рѣзкій протестъ. Многие считалось прежде неприличнымъ... Природа должна была вступить за свои права. Она сдѣлала это черезъ посредство этихъ людей, но такъ, что это снова вызываетъ протестъ. Среди насъ же очень немного такихъ, которые придерживаются здоровыхъ взглядовъ...“

Мнѣніе, которое Біерсонъ высказываетъ объ Ибсенѣ, отличается измѣчивостью. То онъ высказывается противъ его искусства, то опять восхищается имъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „И поэзія Ибсена также, по моему мнѣнію, слишкомъ сильно пропитана необыкновеннымъ и совершенно невозможнымъ, и поэтомъ, когда сенсация, произведенная ею, мало-помалу испарится, то исчезнетъ и интересъ къ ней...“ Но вскорѣ послѣ этого, въ одномъ письмѣ изъ серіи 1889 г., онъ уже говоритъ о немъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ: „Посылаю тебѣ новую книгу Ибсена, — пишетъ онъ дочери, — это произведеніе широко задумано, но написано болѣе мягко, чѣмъ прежнія. Я испытываю патриотическую радость, что ему повезло счастье, какъ драматургу, прокладывающему новые пути...“

Э. Пименова.

Л. Толстой и А. Островскій на болгарской сценѣ.

Какъ сообщаютъ изъ Софіи, на сценѣ Болгарскаго Национальнаго театра поставлены и идутъ съ огромнымъ успѣхомъ, при полныхъ сборахъ и безконечныхъ оваціяхъ, пьесы Л. Толстого и А. Островскаго.

„Плоды просвѣщенія“ были поставлены главнымъ режиссеромъ — русскимъ — П. П. Ивановскимъ и разыграны лучшими силами казенной болгарской труппы. „Лѣсъ“ въ переводѣ бывшаго ученика драматическихъ курсовъ при петербургскомъ театральномъ училищѣ А. Корчева, прошелъ болѣе тридцати разъ на сценѣ народнаго театра съ самимъ переводчикомъ въ знаменитой роли Несчастливцева. По отзывамъ компетентныхъ лицъ переводъ Корчева вполне передаетъ стиль и характеръ комедіи великаго драматурга. Изданъ „Лѣсъ“ книгопродавческой софійской фирмой Игнатова.

ХРОНИКА.**МОСКВА.****БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.**

== Запись на пятый и шестой абонементы будетъ производиться на Оминой недѣлѣ, равно какъ и запись на оставшіяся возобновленными мѣста старыхъ абонементовъ. Закончился обмѣнъ старыхъ абонементовъ на новые. Вслѣдствіе требованія удостовѣренія личности полиціей большое количество абонементовъ не возобновлено.

== 29 февраля состоялась проба голосовъ, не давшая никакихъ результатовъ.

== Л. В. Собиновъ уѣхалъ въ Тифлисъ. Затѣмъ онъ будетъ концерттировать въ Баку, Екатеринодарѣ и Ростовѣ на Дону.

БАЛЕТЪ.

== Возобновляется 11-го марта „Аленькій цвѣточекъ“ съ г-жей Балашовой въ заглавной роли. Балетъ этотъ, послѣ провала въ Петербургѣ, былъ „переведенъ“ въ Москву, гдѣ подвергся значительнымъ измѣненіямъ и въ прошломъ году былъ поставленъ въ бенефисъ кордебалета. Несмотря на всѣ переделки, успѣхъ „Аленькаго цвѣточка“ и въ Москвѣ былъ „ниже средняго“.

== Въ Москву вернулась бывшая балерина Большаго театра А. В. Балдина, два года гастролирующая съ выдающимся успѣхомъ въ Америкѣ въ труппѣ Э. М. Козлова. Г-жа Балдина, послѣ отдыха въ Россіи, снова возвращается въ Америку, гдѣ будетъ участвовать въ турнѣ по Мексикѣ, и на будущій годъ приглашена въ Австралію.

— Дягилевская труппа, встрѣтившая такой небывалый успѣхъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, въ настоящее время находится въ Будапештѣ. За отсутствіемъ свободныхъ помѣщеній г. Дягилевъ принужденъ былъ отказаться отъ мысли о гастроляхъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

— Предполагавшіяся гастроли въ Москвѣ г-жи Кшесинской великимъ постомъ не состоятся.

— Къ будущему сезону предполагается изготовить новыя декорации по эскизамъ К. Коровина для балетовъ „Спящая Красавица“ и „Лебединое озеро“.

МАЛЫЙ ТЕАТРЪ.

— Премьера пьесы А. Дюма „Убѣжденіе г-жи Обрѣ“ назначена на понедѣльникъ 5-го марта. Открытая генеральная репетиція состоится 3-го марта. Заглавную роль исполняетъ М. Н. Ермолова.

— Дворцовый архитекторъ г. Никитинъ приступилъ къ осмотру фундамента зданія Малаго театра. Прибылъ также архитекторъ г. Гогенъ.

Продолженіе спектаклей въ будущемъ сезонѣ признано невозможнымъ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

— Въ теченіе недѣли состоялся рядъ генеральныхъ репетицій „Тургеневскаго спектакля“, въ составъ котораго входятъ „Нахлѣбникъ“ (одинъ только 1-й актъ), „Гдѣ тонко, тамъ и рвется“ и „Провинціалка“. „Тургеневскій спектакль“ пойдетъ въ этомъ сезонѣ всего 8 разъ, только для абонементовъ.

— Въ составъ труппы приняты еще два новыхъ артиста: К. В. Бравичъ изъ московскаго Малаго театра и молодой провинціальный актеръ Вырубовъ.

— Въ репертуаръ петербургскихъ и провинціальныхъ гастролей включены „Братья Карамазовы“, въ слегка измѣненномъ видѣ: изъ первой части исключены сцены Снегирева и туда перенесена сцена „Въ Мокромъ“. Финальная сцена суда во второй части значительно расширена—до четырехъ сценъ, съ новой ролью—защитника Ѳетюковича. Сохранена почти цѣликомъ рѣчь защитника, прибавлена народная сцена—разговоръ въ толпѣ. Роль Ѳетюковича поручена молодому артисту г. Берсеневу. Роль Катерины Ивановны, исполнявшаяся раньше г-жей Гзовской, передана г-жѣ Барановской. Въмѣсто заболѣвшей г-жи Раевской роль г-жи Хохлаковой поручена О. Л. Книпперъ.

— Репертуаръ гастрольныхъ спектаклей въ Варшавѣ и Кіевѣ составятъ: „Вишневы садъ“, „Дядя Ваня“, „Братья Карамазовы“, „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, „Живой Трупъ“.

— Роль Ольги въ „Трехъ сестрахъ“, которую исполняла покойная М. Г. Савицкая, поручена г-жѣ Германовой.

— Въ будущемъ сезонѣ предполагается возобновить „Одинокіе“ Гауптмана съ новыми исполнительницами ролей: Кэтъ—г-жа Коренева, и Анны Маръ—г-жа Барановская.

— Въ Москву прибылъ художникъ Яремичъ и приступилъ къ писанію декораций для „Пэръ-Гюнта“ по эскизамъ Н. К. Рериха.

— Капустникъ окончателно назначенъ на 14-е марта. Объявана масса интересныхъ №№ и трюковъ. Билеты почти всѣ распроданы.

— Художнику К. Н. Сапунову заказаны новыя декорации для „Вишневаго сада“.

ТЕАТРЪ НЕЗЛОБИНА.

— Управленіе бюро обратилось къ К. Н. Незлобину съ просьбой разрѣшить устройство въ одномъ изъ фоз его театра совѣщанія сценическихъ дѣятелей по вопросу о проведеніи въ жизнь новаго устава. Ожидали на первое совѣщаніе Е. Карпова, но онъ прислалъ телеграмму, что, вслѣдствіе болѣзни, пріѣхать не можетъ.

— К. Н. Незлобинъ проектируетъ снять для будущаго сезона то зданіе, въ которомъ находится гостиница Континенталь. По мнѣнію архитекторовъ, если будетъ предпринята радикальная перестройка всѣхъ внутреннихъ помѣщеній, то получится театральныи залъ, превышающій размѣрами тотъ, въ которомъ помѣщается сейчасъ Незлобинскій театръ. Проектъ будущей постройки уже представленъ въ технической комитетъ градоначальства. Затрудненіе лишь въ томъ, какъ удастся поладить съ долгосрочными арендаторами торговыхъ помѣщеній, находящихся въ нижнемъ этажѣ гостиницы.

— Въ Петербургѣ, на будущій сезонъ снова снятъ новый драматическій театръ и, такимъ образомъ, труппа и репертуаръ снова будутъ дѣлиться между 2-мя столицами.

ОПЕРА ЗИМИНА.

— На пятой и шестой недѣлѣ великаго поста въ операхъ „Вертеръ“ и „Паяцы“ выступитъ извѣстный Москвѣ теноръ В. С. Севостьяновъ.

— Труппа Зимина преподнесла, при прощаніи, Баттистини серебряный вѣнокъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОПЕРЕТТА.

— Главный режиссеръ труппы петербургскаго „Паласъ-театра“ А. С. Полонскій уволенъ товариществомъ отъ занимаемой имъ должности. На его мѣсто приглашены Г. Пивоваровъ (режиссеръ) и И. Г. Яронъ (художественная часть).

МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

— Состоялось общее собраніе дѣйствительныхъ членовъ московскаго отдѣленія Императорскаго Р. М. общества. Въ члены ревизионной коммисіи избраны: В. В. Орловъ, В. В. Сиротининъ и В. А. Селвановъ. Дѣйствительный членъ Д. Ф. Бѣляевъ избранъ пожизненнымъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго отдѣленія.

— Въ консерваторіи состоялось общее собраніе членовъ фонда для вспомошествованія вдовамъ и сиротамъ артистовъ. Въ пользу фонда рѣшено устроить концертъ, въ которомъ предполагается исполненіе одного изъ квартетовъ, который будетъ удостоенъ преміи на происходящемъ сейчасъ въ Москвѣ конкурсѣ.

— Результаты конкурса композиторовъ и присужденіе преміи за сочиненіе квартета и трио выяснятся не ранѣе 1-го апрѣля.

— Въ субботу 10-го марта въ Купеческомъ собраніи состоится вечеръ мелопластики Франчески Бэаты, съ участіемъ симфоническаго оркестра подъ управленіемъ А. А. Литвинова.

Программа составлена очень интересно: такъ, впервые будетъ исполнена „Смерть Изольды“ Вагнера, „Пляска смерти“ Сень-Санса подъ мелодекламацию, „Менуэтъ“ (Жатва) Паде-ревскаго.

Г-жа Франческа Бэата только что возвратилась изъ своего турнѣ по Россіи, прошедшаго съ большимъ художественнымъ и матеріальнымъ успѣхомъ.

Начало концерта въ 9 ч. вечера. Билеты продаются въ магазинахъ: Циммерманъ, Чекаго, Юргенсонъ, Эврика, а въ день концерта—въ кассѣ клуба.

— Новая оперная антреприза Г. Максаковъ на дняхъ осматривалъ театръ Буффъ съ лицами, вступившими въ новое оперное товарищество. Предполагается репертуаръ смѣшанный, т.-е. чередоваться будутъ опера и оперетта.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

— Выставка Елисаветинскихъ временъ. Въ Петербургѣ, въ началѣ апрѣля, въ академіи художествъ откроется выставка эпохи императрицы Елисаветы. Казначей академіи наукъ Вл. А. Рышковъ, посѣтившій специально Москву для изысканія матеріала, взялъ изъ Воспитательнаго дома 14 портретовъ главныхъ дѣятелей того времени: Воронцова, Демидова, Бещаго и др. Изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ взято имъ 13 портретовъ, между прочимъ, замѣчательный портретъ гр. Шереметевой и баронессы Черкасской, а также портретъ, изображающій императрицу верхомъ на лошади, въ сопровожденіи арапченка.

Изъ архива министерства юстиціи на выставку посылаются рѣдкія и цѣнныя грамоты и много различныхъ документовъ, среди которыхъ находятся и относящіяся къ Ломоносову. Будутъ представлены карты семилѣтней войны, коронаціонное платье Елисаветы, государственное знамя (первое государственное знамя въ Россіи), лейбъ-кампанская каска и знакъ императрицы, различнаго вида оружіе. „Зимняя линейка“, въ которой императрица ѣхала въ Москву на коронацію, къ сожалѣнію, по ветхости, попасть на выставку не можетъ. Изъ музея А. А. Бахрушина В. К. Божовскимъ найдены въ гофъ-фурьерскихъ журналахъ названія пьесъ, которыя не упоминаются нигдѣ въ исторіи русскаго театра: въ ихъ числѣ—

„Сирой“, пьеса аббата Петра Метастазія, музыка Раупаха; трагедія „Левая“; опера „Касторъ и Поллуксъ“ и др.

— Румянцевскій музей пріобрѣлъ 5 офортныхъ молодого русскаго художника Г. Э. Гамана. Г. Гаманъ родился въ Ригѣ, учился въ Академіи у В. В. Матѣ, затѣмъ окончилъ офортное отдѣленіе Мюнхенской академіи и занимался въ Парижѣ, подъ руководствомъ Родена, Комарози и Матиса.

Пріобрѣтенныя офорты будутъ выставлены въ теченіе двухъ недѣль въ картинной галереѣ музея.

— Музей изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III готовится къ открытію. Къ открытію пріуроченъ также выпускъ цѣннаго научнаго изданія съ описаніемъ подлинныхъ памятниковъ музея съ художественными воспроизведеніями ихъ.

— Варшава. Въ погребѣ одного изъ королевскихъ дворцовъ найдена цѣлая коллекція античныхъ барельефовъ, относящихся ко II и III вв. по Р. Хр. Найдены также обломки статуэтокъ, римскіе надгробные памятники съ надписями и т. д., но самой цѣнной находкой является барельефъ—копія греческаго барельефа эпохи Фидія—изображающій Деметру и Триптолемосу. Всѣ найденные барельефы отправляются въ Эрмитажъ.

— Выставки „Бубноваго вала“ и „Московскаго Товарищества“ закрылись 26 февраля.

Въ „Бубновомъ ваетѣ“ перебывало около 8,000 посѣтителей; картинъ продано только на сумму 5.000 р. Въ „Московскомъ товариществѣ“ число посѣтителей равнялось 9.000 и картинъ продано на сумму 9.000 рублей.

Въ аудиторіи Историческаго музея состоялась лекція проф. Луи Рэо, директора петербургскаго французскаго института, о Родэнѣ и его творчествѣ. Лекторомъ были перечислены художники-мастера XIX в., оказавшіе на Родэна глубокое и несомнѣнное вліяніе: Рюдъ, Бари, Далу, Карно. Произведенія Родэна прошли на экранѣ въ прекрасной репродукціи, а также рѣдкіе портреты, написанные имъ съ Пюви де-Шаванна, Рошфора, Жана-Поля, Лоранса.

Лекція имѣла шумный успѣхъ.

ОБЩАЯ ХРОНИКА

Памяти Т. Г. Шевченко. Московская украинская колонія устройствомъ торжественнаго засѣданія ночтила 51-ю годовщину со дня смерти Т. Г. Шевченко.

Предполагаемый спектакль литераторовъ въ пользу голодающихъ состоится въ Литературно-Художественномъ кружкѣ, ассигновавшемъ на предварительные расходы по спектаклю 500 р.

Спектакль „Деревенскаго театра“ состоится 15-го марта въ залѣ Охотничьяго клуба. Чистый сборъ поступитъ въ пользу отдѣла „Деревенскаго театра“ при русскомъ техническомъ обществѣ.

Въ Литературно-Художественномъ кружкѣ 6 марта состоится вечеръ, устраиваемый Качаловымъ, въ которомъ примутъ участіе: г-жи Гзовская, Германова, Гельцеръ, Друзякина, гг. Севостьяновъ и Уховъ. Билеты можно покупать въ Лит.-Худож. кружкѣ, у свящ. Кедрова и Цвѣткова и въ магазинѣ Гутхейля.

Гастроли берлинцевъ въ Интернаціональномъ театрѣ состоятъ на Пасхѣ. Въ составъ труппы вошли: Вюсть, Вальдегъ, Э. Бургъ, Христіансъ, Шпильбергъ и др.

Чествованіе К. Д. Бальмонта, по поводу двадцатипятилѣтія его литературной дѣятельности состоится въ Петербургѣ 11 марта. Въ комитетъ по устройству чествованія вошли профессоры Браунъ, Батюшковъ, Зѣлинскій и писатели: А. Блокъ, В. Ивановъ, Е. Аничковъ и др. Ожидаются депутаціи и привѣтствія отъ русскихъ и иностранныхъ литературныхъ организацій.

Спектакль 7-го гренадерскаго Самогитскаго полка, устроенный для нижнихъ чиновъ командиромъ полка Н. М. Ремизовымъ, прошелъ съ большимъ оживленіемъ. Шли пьесы: „Дѣдушка русскаго флота“ Полевого и „Ротная служба—братская дружба“ Горлина.

На спектаклѣ присутствовали: командующій войсками мовковскаго военнаго округа П. А. Плеве, генералы Десино, Малинко, Лобачевскій и приглашенныя лица.

Общество „Граммфонъ“ предъявило искъ къ примадониѣ варшавской оперетки Люцинѣ Мессаль въ 9.000 руб. Г-жа Мессаль въ свое время продала обществу исключительное право воспроизведенія граммофономъ ея голоса срокомъ по 28 февраля т. г. Въ то же время другое общество граммофоновъ „Сирена-Рекордъ“ выпустило въ обращеніе пластинки съ аріями, напѣтыми г-жей Мессаль. „Граммфонъ“ требуетъ расторженія контракта въ возмѣщеніе убытковъ по 1.000 руб. за каждый номеръ, спѣтый Мессаль.

Кинематографическая фирма бр. Патэ спѣшно готовится къ оборудованію большой юбилейной картины „1812 годъ“. Сюжетъ ея разработанъ г. Гартевельдомъ, роль Наполеона I будетъ исполнена артистомъ театра Ф. Корша г. В. Сержниковымъ. Отступленіе Великой арміи изъ Москвы будетъ инсценировано на дорогѣ, близъ станціи Томилино М.-Каз. жел. дор., куда спѣшно свозится необходимая бутафорія.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОКЪ.

† Д. М. Вадимова.

25-го февраля, въ сѣренькій, мокрый день похоронили на Ваганьковскомъ кладбищѣ безвременно скончавшуюся артистку Д. М. Вадимову. Тѣло ея нашло себѣ вѣчный покой среди артистовъ нашего Малаго театра, рядомъ съ А. А. Федотовымъ, Музилемъ, Парамоновымъ и др. На кладбище гробъ провожала многочисленная публика, среди которой преобладала учащаяся молодежь. Было очень мало артистовъ изъ театральнаго бюро. Живѣе откликнулся Петербургъ, гдѣ протекла вся сценическая карьера Вадимовой. Отъ труппы Петербургскаго Малаго театра пріѣхали и возложили вѣнки артистки Троянова, авторъ „Псиши“ Ю. Бѣляевъ, бывший режиссеръ Сувор. театра г. Глаголинъ и др. Петербургская труппа театра Незлобина прислала вѣнокъ, на лентахъ котораго надпись:

„Поживемъ мы, и улыбнемся. Ахъ, если бы воскреснуть поскорѣ!“ (4-й актъ „Псиши“).

† И. Р. Порубиновскій.

Скончался отъ рака горла и похороненъ старѣйшій оркестрантъ Императорскаго Большаго театра И. Р. Порубиновскій, пользовавшійся большою любовью своихъ товарищей. Покойный получилъ образованіе въ московской Консерваторіи еще при Николаѣ Рубинштейнѣ, по совѣту котораго принялся за обученіе на фаготѣ. Инструментъ побѣдилъ человѣка и Порубиновскій на всю жизнь остался фаготистомъ.

† Войталовскій.

Въ Красноярскѣ, въ дамской уборной городскаго театра, ночью, послѣ окончанія спектакля, застрѣлился антрепренеръ опереточной труппы г. Войталовскій. Какъ передаютъ, самоубійство произошло на романической почвѣ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

По слухамъ, гостинница „Бельвю“ на Лиговкѣ, возлѣ Николаевскаго вокзала, приспособляется подъ новый театръ, предполагаемый къ открытію уже въ сентябрѣ.

На закрытой пробѣ голосовъ въ Маріинскомъ театрѣ знаки одобренія и неодобренія пѣвцамъ не разрѣшаются; на почвѣ неисполненія этого правила публикѣ было на-дняхъ предоставлено оставить театръ, и дальнѣйшее испытаніе голосовъ шло при закрытыхъ дверяхъ.

Главный режиссеръ „Паласъ-театра“ А. Полонскій устраненъ отъ должности; его мѣсто предложено занять пѣвцу А. М. Брагину.

Въ Екатерининскомъ театрѣ съ 4 марта начинаются гастролы польской драматической труппы, при участіи извѣстнаго артиста К. Каминскаго. Между прочимъ, идетъ знаменитая „Свадьба“ Выспянскаго.

Скончался отъ туберкулеза Пьеръ Терве, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ французской труппы Михайловскаго театра. Покойный состоялъ на службѣ въ Императорскихъ театрахъ 31 годъ, сначала какъ артистъ, затѣмъ въ качествѣ бібліотекаря и суфлера.

7-го марта въ Большомъ залѣ Консерваторіи состоится оригинальный спектакль: пойдетъ на древне-еврейскомъ языкѣ опера „Самсонъ и Далила“ (пер. г. Равребе, постановка г. Компанейца). Участвуютъ г-жа Кадмина-Магазинеръ, гг. Таурогъ, Черновъ и др.

Постомъ въ театрѣ „Комедія“ устраивается литературно-музыкальный вечеръ въ честь двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности К. Д. Бальмонта.

Въ Національномъ клубѣ, въ школѣ имени Суворина и въ театрѣ „Комедіи“ состоялись спектакли галицко-русской крестьянской театральнаго дружины.

Въ обществѣ имени Островскаго Ю. Л. Слонимская сдѣлала интересный докладъ „О художественной пантомимѣ и примѣненіи къ ней ритмической гимнастики Жака Далькроза“.

ПАНАЕВСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Намъ сообщаютъ слѣдующія подробности объ организаціи новаго театральнаго предпріятія г. Рейнеке. Все дѣло будетъ находится въ рукахъ литературно-театральнаго Комитета, въ который вошли: А. П. Воротниковъ, А. К. Рейнеке, А. Я Таировъ (режиссеръ и артистъ), М. Н. Дальскій и главный режиссеръ (опредѣленно называютъ Е. П. Карпова). Кромѣ того, планъ каждой постановки будетъ разрабатываться при участіи комиссіи художниковъ и автора. Преимущественное мѣсто будетъ отведено трагедіи — классической и романтической, къ тому-же типу будетъ принаровленъ и современный репертуаръ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ БЮРО.

Полтава. Зимній сезонъ—М. Каширинъ. Приглашены г-жи Альгина, Нечаева, Зміева, Лесли, Касаткина, Орлова, Шендель и гг. Гундобинъ, Волынкскій, Дубровинъ, Петипа, Соколовскій, Тольскій, Шиловъ.

Симбирскъ. Зима—гг. Даниловъ и Кошелевъ.

Калуга. На 5-ю и 6-ю недѣлю Великаго поста опера С. В. Чирикова. Секарь-Рожанскій, Максаковъ, Чехметьева, Мельгунова, Эйгенъ.

Херсонъ. Зима—П. П. Медвѣдевъ. Приглашены: г-жи Далева, Микульская, Лѣсновская, Аркадьева и гг. Градовъ, Истоминъ, Угрюмовъ, Кастровскій, Георгіевскій, Каратаевъ, Лаврецькій. Гл. режиссеръ—Тунковъ.

Рыбинскъ. На зимній сезонъ приглашены: г-жи Альянова, Демурова, Кундасова, Сергѣева, Оторбекъ, Рѣшетникова, Алексѣева и гг. Курскій, Алексѣевъ, Стрѣлковскій.

Умань. Лѣто—г. Сорочанъ. Приглашены: Волхонская, Самборская, Свѣтлова, Ржевская, Невѣрова; гг. Бѣляевъ, Снѣговъ, Тереховъ.

Новгородъ. Зима—Н. П. Казанскій. Приглашены: г-жи Образцова, Колосова, Васильева.

ВЕЧЕРЬ МЕЛОПЛАСТИКИ.

Франческа Бэатъ.

Астрахань. Зима—С. А. Соколовъ. Приглашены: г-жи Медвѣдева (б. арт. Императорскихъ театровъ), Соломина, Касаткина, Лаврова, Поварю; гг. Желябужскій, Застольскій, Мэноки, Листовъ.

Екатеринбургъ. Зима—опера уполномоченный дирекціи г. Давидовъ. Приглашены: Асланова, Доленго, Ростовская, Шульгина, Спытко, Борисенко, Ященко, Лоховъ, Красавинъ, Сокольскій-Симцовъ, Ульяновъ, Садоновъ, Гагаенко, Зубаревъ.

Режиссеръ—г. Альтшулеръ; дирижеръ—г. Барбини.

Ст. Тихорѣцкая. Лѣто—И. М. Раевскій. Приглашены: г-жи Гельвикъ, Долинская, Милина-Мещерская; гг. Андреевъ, Платоновъ.

Ярославль. Зима—г. Коралли-Торцовъ. Приглашены: г-жи Стопорина, Ольгина, Васильчикова, Базанова, Славянская, Сашина, Марина, Дмитріева, Скорлатти, Мирова, Гусъ, Плетнева и гг. Любошъ, Аркадьевъ, Людвиговъ, Большаковъ, Саулиду, Странце, Дольскій.

Режиссеры гг. Коралли-Торцовъ и Людвиговъ.

Курскъ. Зима—г-жа Малиновская. Г-жи Гурская гг. Незнамовъ, Добровольскій.

— Коммерческое собраніе съ 13 мая по 1 іюля опера г. Федорова.

Калуга. Зима—А. Г. Востоковъ. Режиссеръ—Е. Ф. Бауэръ.

Витебскъ. Лѣто—г-жа Кальвера.

Ялта. Лѣто съ 26 марта—г. Погуляевъ. Приглашены: Альянова, Карташева, Севастьянова, Грандская, Майская, Край, Мартини, Шелиховъ, Аркадьевъ, Аксеновъ, Погуляевъ, Бояровъ, Простовъ, Таубе, Ешкелевъ, Писаревъ, Валинъ, Стронца, Неждановъ, Таврозовъ.

Ровно. Лѣто Жельзнодорожный театр—г. Сухинъ.

Режиссеръ—г-жа Синегубъ-Троицкая. Приглашены: Алексина, Орская, Стронская, Мурвичъ, Соснинъ, Весеньевъ.

Иваново-Вознесенскъ. Лѣто—М. Каширинъ. Приглашены: г-жи Стоянова, Неволлина, Краевская, Фаддеева, Дубровская и гг. Петина, Грезовъ, Варшавскій, Волинскій, Ивановъ, Гундобинъ, Либакъ-Ильинскій, Леоновъ.

— Пасха, оперетта С. В. Чирикова.

Балашовъ. Лѣто—г-жа Стоцкая. Приглашены: г-жи Холмина, Рустанова, Окунева, Медвѣдева, Швецова, Владимірова,

Раздорская, гг. Корвинъ-Жуковскій, Красновъ, Правдинъ, Бярятинскій, Вороновичъ, Пашковскій, Милославскій.

Режиссеръ—г. Бярятинскій.

Ташкентъ. Съ Пасхальной недѣли на 2½ мѣсяца—г-жа Маликовская и г. Полонскій.

Приглашены г-жи Кварталова, Львовичъ, Астрова, Волконская, Соколовская, Трубецкая, Разказова, Шевченко, Красногорская, Журина, Любимова, Александровская, Истомина, Тамаринова.

Режиссеръ—г. Строгановъ.

Кавказскія минеральныя воды. Лѣто—г-жа Нелендгоф. Приглашены: г-жи Астахова, Побѣдова, Рошина-Бента, Зарѣцкая, Преображенская, Рославлева; гг. Соколовъ, Діевскій, Константиновъ.

Режиссеръ—г. Діевскій.

Екатеринодаръ. Зима—г. Мартовъ. Приглашены: г-жи Чаруская, Голодкова, Нежданова, Острогорская, Гончарова, Боянова, Вларская, Майская, Львова; гг. Муромцевъ, Галинскій, Азовскій, Хенкинъ, Сверчковъ, Вурманскій, Хованскій, Неждановъ.

Баку. Зима—г. Полонскій. Приглашены: г-жи Райская-Доре, Бѣлозерская, Нѣжина, Кварталова, Миличъ, Комкова, Суворина, Трубецкая, Загурская, Шевченко, Красногорская, Истомина, Татарникова, Александровская, Грановская; гг. Соснинъ, Аркадьевъ, Горскій, Успенскій, Глубоковскій, Дубенскій, Мартыновъ, Девятовъ, Демюръ, Голтвянскій, Шаповъ, Ивановъ, Рощинъ, Красновскій Романовичъ.

Режиссеръ—г. Демюръ.

Новочеркасскъ. Лѣто—М. И. Судьбининъ. Приглашены: г-жи Бороздина-Дорошевичъ, Болотина, Елецкая, Лугащева, Кельчевская, Марьяна, Романовская, Шувалова, Богданова, Васильева; гг. Германовъ, Дорошевичъ, Сумароковъ, Чаровъ, Орловъ, Назимовъ, Ртищевъ, Лебедевъ.

Режиссеры—гг. Дорошевичъ и Самаринъ-Валкевичъ.

— Зима—г. Мартовъ. Приглашены: г-жи Огинская, Самборская, Львовичъ, Сѣверова, Дольская, Анчарова, Лунская; гг. Зотовъ, Никольскій, Покровскій, Михайловъ, Петровъ, Молотовъ, Шесминцевъ.

Вильно. Зима—г. Бѣляевъ. Приглашены: г-жи Пергаментъ Зяблова, Спорская, Ракитина-Ленская, Нелидинская, Кондорова, Румшевичъ; гг. Муромскій, Смирновъ, Вырубовъ, Ячменевъ, Танскій, Венцель, Ржевскій, Рудинъ.

Режиссеръ—г. Рудинъ.

Оренбургъ. Зима—Г. Ф. Эстерейхъ. Приглашены: г-жи Веричина, Ларина, Борецкая, Холмина, Гарина, Спасская, Аристовъ, Кручинина, Броневская, Морская, Леонидова.

Режиссеры—гг. Ляровъ, Эстерейхъ, Ленскій.

Тифлисъ. Зима. Казенный театр. Г. Палиевъ. Приглашены сопрано: г-жи Сабанѣва, Алешко, Пасхалова; меццо-сопрано: Ковелькова, Добжанская; теноръ—г. Лазаревъ, баритоны—Ярославскій, Орда, Любченко, Вронскій; басы—Капрановъ, Державинъ.

Капельмейстеръ—г. Зеленый.

Ростовъ. Лѣто. Театръ Ткачева Г. Лихтеръ и Викторовъ. Труппа составляется.

Кострома. Зима—Е. В. Неволлина. Приглашены: г-жи Стоянова, Арская, Каренина, Шатова Корельская, Тарновская, Чарова; гг. Леоновъ, Мурвичъ, Пановъ, Александровъ, Орлюкъ.

Режиссеръ—В. Я. Леонсвъ.

Кіевъ. 5-я и 6-я недѣли поста и Пасха—„Миніатюры“. Зима—драма А. Кручинина. Приглашены г-жи Краевская, Козловская, Астрова, Волховская, Долининъ, Кручинина-Валуа, Соколовская и гг. Петипа, Лидинъ, Валуа, Орловъ-Чужбининъ, Георгіевъ.

Режиссеръ—г. Стросвъ.

Псковъ. Лѣто—гг. Орловъ и Вяхиревъ. Приглашены: г-жи Польша, Аргунинская-Козловская, Омарская, Кондорова, А. Ленская, Сиѣговская, Васильева, Ланская и гг. Медвѣдевъ, Пѣвцовъ, Тугановъ, Аркадьевъ, Орловъ, Ярцевъ, Вяхиревъ, Ровный, Маловъ, Горевъ, Санинъ.

Режиссеръ—А. А. Тугановъ.

Иркутскъ. Зима—уполномоченный г. Вольскій. Приглашены: г-жи Вейманъ, Бородкина-Дорошевичъ, Мансвѣтова, Давыдова и гг. Давыдовскій и Дорошевичъ.

Харьковъ. Зима. Театръ Гриккё—Н. Н. Синельниковъ. Миніатюры и мелодрамы. Приглашенъ—г. Дьяконовъ.

Одесса. Лѣто. На Большомъ фонтанъ—Е. В. Рахманова.

Казань. Зима. Городской театр—гг. Образцовъ и Кручининъ.

Самара. Зима. Театръ „Олимпъ“—гг. Образцовъ и Кручининъ.

Вильно. Лѣто. Театръ „Миніатюры“—г-жа Германовская. Приглашены: г-жи Муравьева, Свободина, Барановская и г. Осиповъ.

29 февраля, 1 и 2 марта въ театральномъ бюро происходили въ присутствіи провинціальныхъ антрепренеровъ нробы голосовъ.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Елисаветградъ. Большимъ вниманіемъ публики пользуется играющая у насъ „Художественная оперетта“. Старые знакомые—„Фея Карлсбада“, „Принцесса долларовъ“ и „Корневильскіе колокола“—прошли съ прекрасными сборами. Изъ исполнителей необходимо отмѣтить: г-жъ Потопчину, Кетоманъ, Болотину и г. Карпуса.

Воронежъ. Гастроли Пасхаловой прошли съ малымъ успѣхомъ.

Севастополь. Г-жа Пасхалова, закончившая условіе съ Никулинымъ, служить лѣтомъ въ Севастополь не будетъ.

Екатеринославъ. Въ новый театр, снятый на зиму Е. А. Бѣляевымъ, премьершей приглашена г-жа Саранчева.

Харьковъ. Въ театрѣ Гриккѣ, снятомъ на зиму Н. Н. Синельниковымъ, труппа будетъ составлена преимущественно изъ молодыхъ силъ. Приглашены многіе изъ окончившихъ въ этомъ году Петер. театральную школу Петровскаго.

Тифлисъ. Крахъ г-жи Боярской, видимо, подѣйствовалъ на антрепренеровъ удручающе: драматическій театр до сихъ поръ остается безъ претендентовъ на будущій сезонъ.

Вильно. Администраторомъ къ Е. А. Бѣляеву на будущій сезонъ кончилъ С. И. Сорочаръ, служившій въ Кіевѣ у Кручини.

Симферополь. Гастроли Р. Адельгейма пользуются у публики большимъ успѣхомъ.

Рига. Концертъ Зигриды Шнеефохтъ, состоявшійся 20 февраля въ залѣ Черноголовыхъ, прошелъ съ выдающимся успѣхомъ, артистка показала себя прекрасной піанисткой съ незаурядными артистическими данными. Публика вызывала г-жу Зигриду Шнеефохтъ безъ конца.

Нижній-Новгородъ. Первое передвижное товарищество артистовъ русской оперы рѣшило остаться въ Нижнемъ еще на два спектакля. Гастроли заканчиваются 24 февраля.

Харьковъ. Сейчасъ наша публика отдыхаетъ послѣ зимняго сезона на гастроляхъ П. В. Самойлова. Г. Самойлову и г-жѣ Юрьевой горячо аплодируютъ.

Тифлисъ. На Пасхальной недѣлѣ, 26 и 29 марта и 1 апрѣля, въ залѣ Тифл. „Артист. О-ва“ состоятся концерты извѣстнаго скрипача Бронислава Губермана.

Новороссійскъ. Черноморскій губернаторъ для обезпеченія жалованья артистамъ будущей труппы новаго лѣтняго театра, предполагаетъ потребовать отъ антрепренера театра залогъ въ размѣрѣ 2-мѣсячнаго содержанія всей труппы. Имѣя въ виду, что составъ перворядной труппы, какая здѣсь должна быть, будетъ приблизительно въ 40 человекъ, съ жалованьемъ въ среднемъ 100 р. каждому,—антрепренеру придется внести залога до 8000 р. Такое положеніе вещей нисколько городскому управленію не улыбается, т.-к. оно упустило его изъ виду и не предупредило своего арендатора театра.

Вильно. 20 февраля съ большимъ успѣхомъ выступила въ залѣ желѣзнодорожнаго кружка исполнительница цыганскихъ романсовъ Нина Дулькевичъ. Залъ былъ полонъ.

Гродно. Здѣсь пользуется большимъ успѣхомъ опереточная труппа г. Вилькера, въ составъ которой вошло большинство артистовъ изъ труппы Полтавцева, игравшей зимой въ Ригѣ и Тифлисѣ: г-жи Лейская, Мышецкая и гг. Баратовъ, Рафальскій и Любовь.

В. Гарлицкій.

ПРОВИНЦІЯ.

Одесскія письма. (Отъ нашего корреспондента).

Послѣдними въ истекшемъ сезонѣ оперными постановками были «Борисъ Годуновъ» и «Снѣгурочка», на долю которыхъ выпалъ довольно большой, но кратковременный успѣхъ. Въ смыслѣ тщательности подготовки и удачнаго распредѣленія ролей между участвовавшими въ спектакляхъ артистами эти двѣ послѣднія постановки могутъ быть поставлены въ одинъ рядъ съ лучшими постановками всего сезона. Антреприза, по обыкновенію, старалась придать виѣшней сторонѣ дѣла возможно лучшей видъ, для чего обновлялись декорации и костюмы, гдѣ нужно было; артисты и дирижеры также приложили всѣ силы, много энергій

и труда, чтобы поднять спектакли на должную художественную высоту. И «Борисъ Годуновъ», поставленный въ бенефисъ maestro I. В. Прибика, и „Снѣгурочка“, шедшая въ бенефисъ другого maestro — А. М. Пазовскаго, — оба спектакля носили торжественный характеръ: антреприза, артисты, музыканты, публика, — всѣ горячо привѣтствовали обоихъ дирижеровъ, много потрудившихся въ этомъ сезонѣ и много сдѣлавшихъ для него. Изъ нихъ первый, — maestro I. В. Прибикъ — въ Одессѣ дирижируетъ въ продолженіи 17—18 лѣтъ и давно уже пользуется у насъ расположеніемъ музыкальныхъ круговъ, какъ талантливый, интеллигентный и музыкально-образованный дирижеръ. Второй-же, — maestro А. М. Пазовскій, совсѣмъ еще молодой человекъ (25—26 лѣтъ), дирижируетъ лишь первый сезонъ у насъ. Но, благодаря своей безусловной талантливости, благодаря большому темпераменту, удивительно сочетающемуся съ рѣдкимъ чувствомъ мѣры, г. Пазовскій сразу зарекомендовалъ себя интереснымъ дирижеромъ, музыкальнымъ и чуткимъ. Во весь ростъ показалъ онъ себя въ особености, при постановкѣ вагнеровской музыкальной драмы «Валькирія», вызвавъ тогда единодушный похвальный отзывъ въ печати и въ средѣ музыкантовъ.

Вернусь къ отчетнымъ спектаклямъ. Въ «Борисѣ Годуновѣ» театральная фигура царя Бориса заслуживаетъ собою всѣхъ другихъ персонажей. По крайней мѣрѣ, тотъ Борисъ, который представленъ г. Цесевичемъ, отодвигаетъ какъ-то на второй планъ всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Но въ отчетномъ спектаклѣ большое впечатлѣніе произвела еще характерная, очень ярко очерченная фигура бродяги Варлаама, имѣющая эпизодическое значеніе, можетъ быть, опять-таки, благодаря тому, что роль Варлаама взялъ на себя тотъ же г. Цесевичъ. О г. Цесевичѣ я писалъ уже, но не могу не повторить, что это—не только пѣвецъ съ большимъ діапазономъ, въ которомъ одинаково хороши и нижній, и средней, и верхній регистры, но и замѣчательно талантливый артистъ, умѣющій, какъ говорятъ, въ такихъ случаяхъ, «перевоплощаться». Борисъ Годуновъ и царь Додонъ, величественный Вотанъ («Валькирія») и бродяга Варлаамъ, гордый и непреклонный Кочубей и др., — во всѣхъ этихъ совершенно различныхъ по характеру роляхъ г. Цесевичъ одинаково прекрасенъ и создаетъ яркіе и памятные образы.

На другихъ исполнителяхъ въ «Борисѣ Годуновѣ» я не буду останавливаться.

Въ «Снѣгурочкѣ» на первый планъ выступаетъ женскій элементъ. Какъ разъ въ нашей труппѣ женскій персоналъ отличался громадными достоинствами: тутъ былъ цѣлый рядъ прекрасныхъ, незаурядныхъ даже дарований; таковы, напр., г-жа Карпова, г-жа Воронежъ-Монтвидъ, г-жа Монска, г-жа Мейчикъ и г-жа Скибицкая.

Въ «Снѣгурочкѣ» заглавную партію пѣла г-жа Монска, обладающая молодымъ, свѣжимъ еще голосомъ (колор. сопрано). Съ сравнительно небольшими техническими трудностями этой партіи она справлялась легко, но зато ей, какъ и въ другихъ роляхъ, не доставало сценической опытности, легкости движенія. Оттого образъ Снѣгурочки сильно ступсывался, не приковывалъ къ себѣ преимущественнаго вниманія и уступалъ по яркости и сценичности тому образу Кулавы, который создала г-жа Карпова. Послѣдняя, по моему мнѣнію, принадлежитъ къ чрезвычайно рѣдкому типу артистокъ, которыя вкладываютъ много огня, страсти, темперамента, согрѣвая и облагораживая свое исполненіе подкупающей искренностью и жизненностью. Рѣзкими, но изящными штрихами создаетъ г-жа Карпова выпуклые и сильно запечатлѣвающиеся въ памяти зрителя-слушателя (потому, что и голосъ у нея прекрасный, сильный) образы.

Лель — г-жа Скибицкая. Это — артистка съ большимъ дарованіемъ, все болѣе и болѣе расцвѣтающимъ, и съ превосходнымъ голосомъ. — Весну играла съ успѣхомъ полезная пѣвица г-жа Федосѣева. — Бобылиху играла г-жа Миланова.

Изъ мужчинъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить г. Селяина (Берендей), который, какъ всегда, красиво и искренне проводитъ свою партію. Вообще, это умный и опытный артистъ, обладающій не столь большимъ, но зато, весьма приятнымъ голосомъ красиваго тембра. — Остальные персонажи «Снѣгурочки» были представлены болѣе или менѣе хорошо. (г. Лубенцовъ — Морозъ, г. Поляевъ — Мизгирь, г. Ильющенко — партнеръ г-жи Милановой — вполне хорошій Бобыль, г. Никольскій — Бермята).

Для этой оперы оказались готовыми декорации, написанныя для пьесы Островскаго, когда г. Багровъ давалъ въ Гор. Театрѣ драму. «Снѣгурочка», несомнѣнно, стала съ гвоздемъ сезона, если бы ея постановка не совпала съ концомъ его.

Надо сказать нѣсколько словъ объ итогахъ этого сезона. Г. Багрову принадлежитъ большая заслуга: онъ рѣшился на смѣлый опытъ насажденія у насъ русской оперы, — у

ВОРОНЕЖСКИЙ ТЕАТРЪ.

Антрепренеръ В. И. Никулинъ.

насъ, гдѣ долгіе годы культивировалась лучшими итальянскими пѣвцами итальянская опера, гдѣ совсѣмъ недавно и думать нельзя было о сезонѣ, репертуаръ котораго состоялъ бы преимущественно изъ русскихъ оперъ. Правда, опытъ этотъ въ матеріальномъ отношеніи дорого обошелся г. Багрову, который понесъ около 40 тысячъ убытку; но зато русская опера, нужно думать, утвердилась у насъ прочно, а дѣло г. Багрова имѣло художественный успѣхъ.

Всего, въ теченіе сезона, поставлено было 25 оперъ. Изъ нихъ на долю русскихъ пришлось 14. Большие всего вниманія удѣлено было творчеству Н. А. Римскаго-Корсакова, изъ 15 оперъ котораго у насъ поставлено было 5 («Садко», «Царская невѣста», «Майская Ночь», «Золотой пѣтушокъ» и «Снѣгурочка»). Кромѣ «Майской ночи», на спѣхъ срепетованной къ бенефису г. Цесевича, и послѣ того болѣе не появлявшейся на сценѣ, остальные оперы Римскаго-Корсакова пользовались большимъ успѣхомъ. Но гвоздемъ сезона сдѣлалась опера П. И. Чайковскаго «Мазепа» (15 спектаклей). «Мазепу» поставили еще вначалѣ сезона, весьма тщательно подготовивши ее, когда увидѣли, что система заполнения пустыхъ дней наскоро сколоченными спектаклями («Анда», «Карменъ»), очень вредитъ дѣлу. Изъ другихъ оперъ Чайковскаго, кромѣ популярныхъ «Евгенія Онѣгина» и «Пиковой Дамы», много вниманія удѣлено было «Черевичкамъ», благодаря участію г-жи Воронежъ-Монтвидъ (Оксана).

Изъ иностранныхъ оперъ громадный интересъ вызывала «Валькирія», для постановки которой, дѣйствительно, было сдѣлано все, что только можно сдѣлать сравнительно небольшими средствами провинціального опернаго театра. Уступая по числу повтореній «Мазепѣ», «Валькирія» безусловно конкурировала съ ней по художественному успѣху. И ужъ въ самой постановкѣ вагнеровской музыкальной драмы заключается громадная заслуга антрепризы г. Багрова. Вагнеръ былъ очень горячо принятъ одесской публикой, для которой постановка «Валькирии» явилась большимъ музыкальнымъ событіемъ. Успѣху «Валькирии» обязана была на время возникшая у антрепризы мысль поставить еще и другія оперы Вагнера; но это желаніе антрепризы и публики не могло уже осуществиться, въ виду краткости сезона и опасенія не окупить крупныя затраты, связанныя съ тщательной постановкой вагнеровскихъ оперъ.

Сильно повредила матеріальной сторонѣ дѣла антрепризы постановка еще вначалѣ сезона оперы «Quo vadis». Ее почему-то поставили у насъ разъ 6, но наново было думать, что красивыя и оригинально задуманныя декорации работы художника г. Соколова могутъ преодолѣть скуку, вызываемую этимъ музыкально-безцвѣтнымъ дѣтншемъ г. Нугеса; такъ что постановка «Quo vadis», къ которой публики осталась весьма равнодушной, легла тяжелымъ бременемъ на бюджетъ антрепризы. Если послѣдняя проявила въ началѣ отсутствіе опыта въ столь отвѣтственномъ дѣлѣ, то зато во всемъ видно было серьезное къ нему отношеніе. Убытки съ каждымъ мѣсяцемъ возрастали, но намѣченная художественная линія неуклонно преслѣдовалась до конца. Были болѣе или менѣе удачныя постановки, замѣчался приливъ и отливъ интереса публики къ опернымъ спектаклямъ, но занграванія съ публикой не было. Строго оперный се-

зонъ не зналъ оперетты, какъ было въ предыдущемъ году въ оперѣ А. И. Сибирякова, тщательно избѣгалъ даже системы гастролей, къ которымъ прибѣгаютъ обычно для поправленія дѣла. Двѣ гастроли г-жи Кузнецовой не были гастроями по приглашенію антрепризы, такъ какъ импресарио этой артистки уплатилъ антрепризѣ за два спектакля, кажутся, тысячи три, взявъ самъ тысячъ девять.

Такъ какъ г. Багровъ понесъ огромныя убытки, то ему навстрѣчу пошла дума, измѣнившая на дальнѣйшее условія такъ, что теперь есть надежды на значительную прибыль въ будущемъ сезонѣ. Большой доходъ, между прочимъ, ожидается отъ вѣшалки.

Теперь, постомъ, поетъ у насъ въ оперѣ, составъ коей почти не измѣнился (уѣхали г. Цесевичъ, г-жи Воронежъ и Мейчикъ) Джузеппе Ансельми, кумиръ нашихъ италіаномановъ и меломановъ. Кромѣ того одинъ спектакль «Снѣгурочки» приобрѣлъ для г-жи Липковской ея импресарио. Но о г. Ансельми и г-жѣ Липковской—въ слѣдующій разъ.

Нижегородскія письма. (Отъ нашего корреспондента.)

Театральный сезонъ закончился. Намъ остается въ краткихъ словахъ подвести итоги сезона въ городскомъ драматическомъ театрѣ. Но прежде чѣмъ говорить объ итогахъ, намъ слѣдуетъ остановиться на послѣднемъ спектаклѣ—заключительномъ аккордѣ сезона. Этотъ аккордъ вышелъ не звученъ.

Для прощальнаго спектакля выбрали слабую комедію «Безпечальные» В. Рышкова и еще 3-й актъ «Горе отъ ума».

Первую пьесу играли «на курьерскихъ», гнали такъ, что отъ пьесы ключья полетѣли: были сдѣланы значительныя купюры, вымараны монологи. Впечатлѣніе отъ исполненія пьесы получило самое блѣдное, исключая г-жъ Максимовой и Шебуевой. Третій актъ «Горя отъ ума» прошелъ прилично. Особенно выдѣлилась г-жа Шебуева, создавшая яркій, колоритный, съ художественной тонкостью отдѣланный образъ Хлестовой.

Обычно на прощальныхъ спектакляхъ публика выражаетъ свои симпатіи артистамъ, антрепренеру и режиссеру. Особыхъ знаковъ вниманія публика не выказала труппѣ. Очень тепло и задушевно провела интеллигенція талантлиую артистку Е. П. Шебуеву. Она получила цѣнный подарокъ и большою красивую серебряную вѣнокъ съ надписью: «Вдохновенной жрицѣ искусства, высокоталантливой Е. П. Шебуевой отъ благодарныхъ нижегородцевъ. Г. Нижній-Новгородъ, 5 февраля 1912 г.» Послѣ спектакля, при открытой сценѣ, г-жѣ Шебуевой былъ прочитанъ прочувствованный адресъ, въ которомъ почитатели артистки, охарактеризовавъ ея разносторонній талантъ, просятъ ее остаться на будущій сезонъ въ Нижнемъ. Подъ адресомъ подписались представители мѣстной интеллигенціи, молодежь и всѣ театральные критики и рецензенты мѣстной и столичной театральной прессы. На долю Е. П. Шебуевой выпало много овацій и аплодисментовъ. Аплодисментами также встрѣчали выходы: г-жи Гиѣдичъ, гг. Струйскаго, Невѣдомова, Берже, Блюменталь-Тамарина (шумными); послѣднему преподнесены были цвѣты.

Вотъ и все, чѣмъ отмѣтила публика прощальный спектакль. Въ прошлые сезоны, особенно при Басмановѣ, больше преподносилось подарковъ, больше было горячихъ, шумныхъ овацій.

С. А. Бьялевъ.

(Директоръ театровъ Вильно, Минска и Ковно).

Итоги сезона в городском театре... В прошлых наших письмах мы уже говорили о слабых и хороших сторонах антрепризы П. П. Струйского, сравнивая ее с антрепризой предшествующего сезона. Сегодня мы не будем повторяться, а только суммируем все высказанное нами. Первая половина сезона была в художественном отношении лучше, репертуар не отличался такою легковесностью, какую мы видим во вторую половину сезона — после Рождества; но, вообще, репертуар бессистемный, при выработке его не имело никакого плана. Напротив, перед Рождеством и во вторую половину сезона замечается явное тяготение в сторону салонных пьес и, наконец, фарсовых комедий и фарса. Выбирались „новинки“, но крайне неудачно. Старая художественная драматическая произведение антрепризой и режиссером были основательно заброшены; о них совсем почти не вспоминали.

О хороших постановках мы уже в свое время писали и теперь не считаем нужным повторять.

Об артистах и составе труппы мы тоже достаточно писали. Состав труппы стал недостаточно силен после того, как заболела г-жа Моравская, вышла из труппы комик, не было гранд-дамы. Труппа оказалась без драматической примдонны. Правда, была очень способная, хорошая, молодая героиня — г-жа Максимова. Работала она очень много, без ее участия не проходил почти ни один спектакль, благодаря тому, что ей давались роли и инженер-кокет и инженер-драматик. Артистка чуткая, умевшая быть интересной и вдумчиво относящаяся к своим ролям. Но г-жа Максимова, несмотря на все ее способности, не могла взять на себя роли драматических героинь. Талантливую артистку г-жу Шебуеву совсем почти не показывали публике, что было отмечено в поданном ей адресе фразой: „В истекшем сезоне мы редко вас видели на сцене“. Талант Шебуевой позволял ей играть и характерные роли, и драматических, и комических старух, и даже пожилых героинь, но ее почему-то „солили“...

Премьер труппы г. Блюменталь-Тамаринь — даровитый артист, но на нем нельзя строить репертуара. Он, по существу своего дарования, не герой-любовник, а комедийный артист. К сожалению, и в комедии, как и в драме, его часто покидает художественное чутье. Ко всему этому нужно присовокупить небрежность артиста в исполнении ролей. Если бы артист серьезно относился к своим ролям, то его дарование, его сценическая опытность вылились бы в определенные образы. Но артист отказался от творческой работы и, как бы, махнул рукой на сценическое искусство. Сугубо небрежность артиста обнаружилась во второй половине сезона.

Материальные итоги антрепризы П. П. Струйского не хуже прошлого года, убыток выразится суммой около 2,000 р. Всего было сыграно 140 спектаклей.

В Новом Общедоступном театре, как мы писали, крах антрепризы М. Н. Голицына-Онгина. Последние дни масляной в этом театре играли артисты, под режиссерством премьерши труппы А. В. Анненской. Сборы поднялись, товарищество кое-что заработало. Вообще, г-жа Анненская пользуется симпатиями публики, посещающей этот демократический театр.

Совет общества распространения начального образования сдал на Великий пост и Пасху Новый Общедоступный театр товариществу артистов под управлением А. В. Анненской.

А. В.—г.

Ростов-на-Дону. (От нашего корреспондента).

Наступает конец сезона. Что можно сказать о нем? Да почти ничего!

Драматический ансамбль дирекции Н. И. Соболевщикова-Самарина и О. П. Зарайской и Русско-Малорусское Т-во, под управлением Льва Сабинина, работали хорошо. За сезон прошли такие концертанты, как: Вяльцева, Плевицкая, Севостьянов и др.

У Соболевщикова пользовались видным успехом: г-жи Вульф, Соколовская и гг. Валуа, Ижецкий, Васильев, Сверчков и сам Соболевиков-Самаринь.

Из новинок прошли пьесы: „Мечта любви“, „Наполеон и Жозефина“, „Прохожие“, „Псиша“ и др.

Неудно для обстоять у малороссов. Хороший подбор артистов, умелая постановка, интересный, разнообразный репертуар, а главное режиссерство такого умелого режиссера и талантливого актера Льва Сабинина.

Среди сезона, при полных сборах, прошла пьеса Л. Н. Толстого „Живой труп“.

Сабинин играл роль Федя Протасова и, что нужно отнести к его чести, роль была проведена им безукоризненно.

Разнообразный и вдумчивый актер г. Любимов.

Из женского персонала г-жи Гриценко и Лучинская являются премьершами труппы.

Театр миниатюр дирекции Лихтера и Викторова положительно завоевал симпатии публики.

Режиссер Н. Б. Табенцкий и премьер труппы пользуется видным успехом.

Видные члены труппы: г-жи Барковская, Зоричь; гг. Дольский, Арбенин.

Репертуар: драма, комедия, фарс, оперетта.

К. Р. Жуков.

Керчь. (От нашего корреспондента).

...Итак — окончился театальный зимний сезон...

Сезон был очень удачным как для керчань, получивших возможность видеть сравнительно новый репертуар и весьма хороших исполнителей, так и для антрепризы О. П. Лавровской, деятельность которой была оценена публикой, почтившей ее в последний прощальный благотворительный спектакль ибными и денежными подношениями и адресами.

Цифра валового сбора (с 1-го октября 1911 г. по 5-е февраля с. г.) 18½ тысяч без вешалки.

Из полученной выручки в 18½ тысяч, на долю благотворительных обществ за 5 спектаклей пришлось около одной тысячи руб., на долю бенефициантов 1200 руб., жалованье уплачено всем сполна.

Антреприза понесла убыток (sic!).

В общем, цифра сборов взята наибольшей из последних сезонов в Керчи... Наибольшее число представлений дали пьесы: „Живой труп“ и „От ней все качества“ (по 4 раза), „За океаном“ и „Гонимые“ (по 3 раза), „Старый закал“, „Не было ни гроша“, „Потонувший колоколь“, „Новый мир“, „Прохожие“, „Орленок“, „Сын императора“, „Любовь и смерть“, „Поле брани“, „Семья преступника“, „Петербургская трущоба“, „Камо грядеши“, „Стенька Разин“, „Царица Тамара“ (по 2 раза). Остальные пьесы прошли по одному разу.

Всех спектаклей было 92 вечерних и 24 дневных.

Наибольшие сборы дали пьесы: „Счастливец“ (открытие сезона), „Живой труп“, „Спектакль-кабарэ“, „Последняя жертва“ (40-лѣтний юбилей О. П. Лавровской), „Я кое что знаю“ (закрытие сезона) и почти все бенефисы.

Наименьшие сборы дали, к большому стыду керчань, спектакли, посвященные памяти Островского и Пушкина.

Музыкальным магазином г. Ханчина приглашены на 6-е марта знаменитый пианист Борис Камчатов, на 15-е марта известный скрипач Бронислав Губерман, а на 5-е мая назначен концерт примдонны С. Петербургской Императорской Оперы М. А. Михайловой с участием баритона С. Л. Сливинского и пианиста Б. А. Зак.

Оставший от сезона „после трудов тяжких“ г. Пальминь-Элькань организовывает труппу для миниатюр и будет с 20-го с. м. подвизаться на подмостках специально отстроенной сцены в иллюзион „Гранд-Вю“.

Лѣтний сезон взяты капельмейстером морского кадетского корпуса Леоновым на условиях 9000 р., 45 человек.

Дэви.

Рязань. (От нашего корреспондента).

5 февраля потухли огни в нашем городском театре. Пора подвести итоги: материальный и художественный. В смысле материальном — сезон нужно признать удачным: г. Коралли-Торцов закончил его с приличной прибылью; в художественном же отношении (мы говорим о репертуаре и постановке), сезон нельзя признать стоящим на должной высоте, да и не мудро: при шести спектаклях в неделю на круг до искусства ли, лишь бы сыграть! Труппа, конечно, уплачено сполна, как и всегда у г. Коралли-Торцова. В течение сезона наибольший успех имели пьесы, прошедшие: „Живой труп“ (6 раз), „Камо грядеши“ (5 раз), „Потонувший колоколь“ (3 раза), „Псиша“ (4 раза), „Орленок“ (3 раза), „За океаном“ (3 раза). Прошла вся трилогия Толстого и мн. др. пьес, шедших по два и одному разу.

Из труппы на первый план нужно поставить г-жу Карпову — артистку, действительно, талантливую и в своем репертуаре разнообразную („Орленок“, „Псиша“, Люция, „Трильби“, Луиза, Раутенделейн, Офелия, Марюша в „Девичьем переполохе“, Ксения в „Кухне вѣдьмы“ и мн. др.). Г-жа Карпова выступала почти в каждом спектакле, доставляя всякий раз свою игрой истинное наслаждение. Публика наградила любимую артистку на ее бенефис („Орленок“) шумною овацией. Вообще, роль Орленка одна из лучших ролей Карповой. Любовник Привалов — актер работающий, который, надѣмся, займет в провинции не последнее положение. Имел успех и сам Коралли. Отметим еще гг. Большакова, Пономарева, Ольгину, Базанову. На будущую зиму театр остается опять за г. Коралли, которому остается пожелать успеха.

Зритель.

Винница (Подольской губ.) (Отъ нашего кор.)

Короткій зимній сезонъ нашей драматической труппы закончился, и теперь можно подвести нѣкоторые итоги. Труппа, какъ я и предполагалъ, удалось завоевать публику и, несмотря на крупныя расходы, дирекція Т. Д. Лентовской кончила сезонъ благополучно и артистамъ уплачено сполна. Дефицитъ, конечно, есть, но первые годы постоянного театра въ городѣ, привыкшему до сихъ поръ только къ лѣтнему театральному дѣлу, не могутъ обойтись безъ убытка, а разъ убытокъ этотъ не великъ, а сборы лишь изрѣдка были плохи, то безусловно можно считать сезонъ удачнымъ. Сборы рѣзко поднялись во второй половинѣ сезона и предпраздничное «мертвое время» дало лучшіе матеріальные результаты, чѣмъ начало сезона — у публики появились любимцы и зачастую театръ былъ переполненъ. Переходя къ художественной сторонѣ дѣла, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что опредѣленнаго направленія не было замѣтно: репертуаръ въ достаточной мѣрѣ пестрый и, на ряду съ хорошими, серьезными пьесами, ставились вещи, годныя скорѣе для синемаатографа, пустѣйшіе фарсы и мало кого интересующія мелодрамы. Въ общемъ, репертуаръ принижался до вкусовъ средней публики небольшого провинціального города, чего нельзя не поставить въ минус дирекціи; и силы, и возможность были для настоящаго художественнаго дѣла и хотя «синема-пьесы» и фарсы привлекали массу публики, но отъ такихъ постановокъ создается призрачный успѣхъ, очень недолгій и, конечно, не прочный. Эта сторона въ дѣлѣ тѣмъ обиднѣе, что, вообще, дирекція Лентовской рѣзко отличается отъ обычныхъ провинціальныхъ антрепризъ; несомнѣнное безкорыстіе и стремленіе къ настоящей художественной работѣ — качества рѣдкія и въ большихъ дѣлахъ, не то что въ такихъ растущихъ, какъ наше. Хочется быть увѣреннымъ, что «колебанія» этого сезона, вызванныя разными «трениями», не повторятся. Изъ постановокъ преимущественно заслуживающихъ быть отмѣченными долженъ назвать выдержанный въ мягкихъ, элегическихъ, чисто чеховскихъ тонахъ, «Вишневый садъ» (бенефисъ молодого, хорошо одареннаго и серьезно относящагося къ дѣлу актера Пармскаго), «Плоды просвѣщенія», «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ», «Псиша», «Василиса Мелентьева», «Безприданница», «Старый закалъ», «Израиль» и юбилейный спектакль артиста Цвиленева — «Лѣсъ». На этомъ спектаклѣ остановлюсь нѣсколько подробнѣе. Невиданное до сихъ поръ празднество и симпатіи, которыми пользовался у насъ юбиляръ, привлекли въ театръ массу публики, особенно учащейся молодежи; чествовали артиста при открытій занавѣсъ, послѣ третьяго акта; много было сказано хорошаго и теплаго по адресу провинціального актера вообще, и юбиляра въ частности; много телеграммъ отъ товарищей, нѣкоторыхъ учреждений, гдѣ раньше служилъ артистъ, молодежи; поздравленія отъ журнала «Театръ и Искусство» и мѣстной газеты; цѣнные подношенія отъ публики и безконечныя оваціи. Роль Нещастливцева — одна изъ лучшихъ ролей г. Цвиленева и только вполне понятное волненіе мѣшало вначалѣ артисту взять надлежащій тонъ, но это быстро сгладилось, и спектакль прошель положительно прекрасно. Кромѣ г. Цвиленева выдѣлялись неизмѣнно красивымъ воплощеніемъ сценическихъ образовъ и продуманной работой: г-жи Полярова, Лентовская, Ѳедотова, Павловская 1-я, въ нѣкоторыхъ роляхъ Тидеманъ, Кавтарадзе и Лѣскова; очень милы были вторыя актрисы: Павловская 2-я, Илинская, Чернецкая, Жуковская и Радлова, и г-да Молчановъ, Бородинъ, Пармскій и Хохловъ (очень хорошій художникъ-декораторъ), въ нѣкоторыхъ роляхъ Орловъ-Романовскій и Борисовъ, а изъ молодежи: Михайловъ (при дальнѣйшей работѣ артиста ждетъ хорошее будущее), Чистовъ, Хмельницкій (обладающій къ тому-же очень красивымъ голосомъ и несомнѣнной музыкальностью) и Миртовъ. Къ недостаткамъ труппы надо отнести обиліе вторыхъ, сравнительно рѣдко занятыхъ, персонажей, отсутствіе актрисы на роли кодукте, хорошей комической старухи (исполнявшая обязанность комической старухи г-жа Мальцева и по тону своему, и по манерамъ напоминала скорѣе любительницу, годную развѣ для благотворительныхъ спектаклей, гдѣ всякое участіе цѣнно!) и актера на роли фатовъ. Спектакли, болѣею частью, проходили выдержанно и стройно (особенно чеховскія пьесы и Островскій) въ сренетовкѣ и въ mise en scene-хъ видна была опытная рука режиссера г. Молчанова, но не могу не поставить въ вину этому прекрасному актеру, склонности къ постановкамъ фарсовыхъ и «пропущенію» репертуара, досада брала подчасъ смотрѣть какъ серьезные, хорошіе актеры «ломали камедь» въ угоду нетребовательной публики! А изъ пьесъ Чехова поставили только «Вишневый садъ» и «Свадьбу», да и Островскимъ не очень баловали. Въ теченіе сезона состоялось нѣсколько концертовъ: Михайловой, Бѣляевой-Тарасевичъ, хора Сла-

РЯЗАНСКИЙ ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ.

Г. Карнова.

вянской, Каміонскаго. Съ особеннымъ успѣхомъ и матеріальнымъ и шумнымъ виѣшнимъ прошель концертъ Каринской; публика заставляла симпатичную лѣвицу биссировать чуть не каждый номеръ программы, тоже самое было и на концертѣ скрипача Эрденко, остальные концерты пользовались, хотя и не такимъ бурнымъ, но несомнѣннымъ успѣхомъ — музыку, да еще въ доступномъ примитивномъ изложеніи, у насъ любятъ! Приѣзжали и Адельгеймы съ неизмѣнными «Трильби» и «Казнь», но и съ шекспировскими пьесами. У Рафаила Адельгейма труппа совсѣмъ слабая, чисто гастрольная, что расхолаживающимъ образомъ дѣйствуетъ на зрителя и даже, какъ-то, обезцвѣчиваетъ игру премьера. У Роберта Адельгейма труппа сильнѣе, да и самъ онъ сохранилъ всю мощь своего искусства — техника все также разнообразна и богата, а отдѣлка роли, просто хирургически тонка — чуть ли не каждый нервъ видишь въ изображаемомъ имъ образѣ, и сценическія созданія его все также обаятельно красивы.

Со второй недѣли поста начались гастроли Р. Орлова-Чужбинина; прошли: «Кинъ», «Весенній потокъ», «Огни Ивановой ночи» и «Израиль». Публика сразу оцѣнила этого незауряднаго актера, такъ полно захватывающаго своей могучей игрой; успѣхъ онъ имѣетъ громадный и гастроль, вѣроятно, продлится и третью недѣлю. Но надо признаться, что успѣхъ все-же только художественный, а матеріальный — не блестящій; что-же дѣлать, когда въ нашемъ городѣ интеллигентной публики только «на триста рублей», а толпа идетъ въ синемаатографъ — и гастролеры для нея звукъ пустой!

А. Б.

Кременчугъ. (Отъ нашего корреспондента).

Всѣ антрепризы нашего города имѣли въ конечномъ итогѣ печальный результатъ: то недоплачиванія жалованья артистамъ, то громадный дефицитъ, какъ въ минувшемъ сезонѣ у г. Лошискаго около восьми тысячъ, то, наконецъ, дошло до того, что антрепренеръ Н. Ф. Филипповскій бросился подъ поѣздъ. Въ настоящемъ году антреприза Р. В. Олькеницкаго даетъ хорошіе результаты, и даже въ предпраздничные дни спектакли мѣстной труппы дѣлаютъ сборы.

22-го числа состоялся бенефисъ антрепренера Р. В. Олькеницкаго. Пьеса для бенефиса была выбрана крайне неудачная, несмотря на то, что взята изъ репертуара Малаго театра — это «Новое поколѣніе» Острожскаго. Поверхностная, блѣдная.

Послѣ втораго акта начались привѣтствія и подношенія. Адресъ отъ труппы былъ прочтенъ режиссеромъ Васильевымъ. Отмѣчалось въ немъ тактичное и гуманное отношеніе къ артистамъ, уплачиваніе во время жалованья и т. п. удовлетвореніе насущныхъ нуждъ артиста, что составляетъ главный предметъ взаимоотношеній между антрепренеромъ и труппой.

Затѣмъ — отъ рабочихъ, отъ попечительства народнои трезвости Пушкинскаго народнаго дома, отъ музыкально-драматическаго кружка и т. д. Масса цѣнныхъ подношеній.

Вообще, видно было теплое сердечное отношеніе публики. Присоединяясь, съ своей стороны, къ этому настроенію и учитывая, что много сдѣлано положительнаго въ постановкѣ въ

нашемъ городѣ театральнаго дѣла г. Олькеницкимъ, хотѣлось бы только въ будущемъ видѣть болѣе сильную труппу, особенно женскій персоналъ.

Сборъ въ день бенефиса былъ полный.

Рѣдко приходится наблюдать такое теплое отношеніе къ режиссеру, каковое было проявлено въ день бенефиса режиссера мѣстной труппы П. И. Васильева.

Директоръ театра Р. В. Олькеницкій привѣтствовалъ бенефицианта и благодарилъ его за энергичную дѣятельность. Отъ труппы адресъ прочелъ г. Каратаевъ. Были подарки отъ артистовъ, отъ публики и отъ хора еврейской синагоги.

Первая половина зимняго сезона заканчивается, и слѣдуетъ отмѣтить тѣ положительныя стороны, которыя показала настоящая антреприза: спектакли ставились тщательно и съ любовью. Не было той схоластической безалаберщины, каковую приходилось наблюдать въ минувшихъ сезонахъ; все, по мѣрѣ силъ, стилино, выдержано, начиная отъ бутафоріи и декораціи и кончая исполненіемъ. Если и были промахи, если встрѣчались недочеты—то они неизбежны, принимая во вниманіе тѣ трудности, каковыя переживаетъ въ настоящее время русская драма вообще, а провинціальная тѣмъ болѣе.

Нужны громадныя усилія, ибо биоскопы—этотъ бичъ искусства—отвлекаютъ публику отъ театра и заставляютъ антрепризу итти на тѣ уловки, которыя, конечно, имѣютъ мало общаго съ искусствомъ, но являются необходимою для существованія.

Разнообразность, какъ говорятъ украинцы „різноманітність“, репертуара отъ новинокъ Гордиинскаго цикла вплоть до „Живого товара“ Острожскаго имѣютъ и свои хорошія и свои дурныя стороны, но о нихъ не приходится говорить, ибо провинціальныя театры для своего существованія должны приравливаться ко вкусамъ публики, и судить въ данномъ вопросѣ театръ, значитъ, судить публику, а это—самая неблагоприятная и къ тому же бесполезная задача въ настоящій моментъ.

— Слѣдуетъ отмѣтить то равнодушное отношеніе публики къ театральной прессѣ, которое замѣтно въ нашемъ городѣ, но въ этомъ мы должны бросить упрекъ мѣстнымъ газетамъ: „Кременчугскій голосъ“, „Днѣпръ“ „Кременчугское слово“ и „Южанинъ“ удаляютъ на своихъ страницахъ слишкомъ мало вниманія вопросамъ театральной жизни.

Необходимо, чтобы „рампа“ ближе стала мѣстнй прессѣ, тогда и въ публикѣ проснется интересъ къ театральной журналистикѣ.

Astris.

Баку. (Отъ нашего корреспондента).

Репертуаръ послѣдняго мѣсяца состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: „Золотая клѣтка“, „Княжна Тараканова“ (2-й бенеф. г-жи Стопоринной), „Пожаръ Москвы“ (второй бенеф. главн. режиссера г-на Людвигова), „Марія Стюартъ“ (2-й бенеф. Арди-Свѣтловой), „Прекрасныя Сабинянки“ Андреева и „Графиня Эльвира“, двухъ дѣтскихъ спектаклей—„Хижина дяди Тома“ и „Красная шапочка“, вечера программы „Кривого зеркала“: „Страничка романа“, „Якъ ковбаса та чарка“ и др. (бенеф. уполн. дирекціи г. Романовича); еще на масляной недѣлѣ поставили для бенефисовъ: г-жи Волконской—„Дьявольскую колесницу“ Антропова и г-жи Никоновой—для закрытія зимняго сезона—5 февраля „Въ золотомъ домѣ“ Н. Ашешова. Всего за истекшій зимній драматическій сезонъ было поставлено 65 пьесъ, при чемъ значительная часть сыгранныхъ пьесъ падаетъ на новинки: такъ, наприм.: „Живой трупъ“ прошелъ 18 разъ, дѣлая прекрасныя сборы, „Синяя птица“—14 разъ—цифры, небывалыя для Баку. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить одинъ пробѣлъ въ репертуарѣ и довольно значительный: отсутствіе пьесъ А. Чехова, Г. Ибсена, Шекспира, Мольера и др. При первой попыткѣ поставить классическую „Марію Стюартъ“, труппа оказалась безпомощной; ни гордой, властной королевы (г-жа Никонова), ни юнаго, пламеннаго Мортимера (г. Лирскій-Муратовъ), ни Лейстера (г. Галль-Савальскій) и др.—не было въ ихъ изображеніи. Относительно удовлетворительна была лишь бенефициантка—г-жа Арди-Свѣтлова (Марія), прекрасно проведшая финальную сцену и монологъ четвертаго акта. Третьемъ гвоздемъ сезона оказалась пресловутая „Золотая клѣтка“ К. Острожскаго, давшая еще 4 полныхъ сбора. Разыграли пьесу удачно: г-жи Арди-Свѣтлова (Одферьева), Линецкая (Алицына); гг. Лирскій-Муратовъ (Проскуровъ), Галль-Савальскій (кн. Кахетинскій). Вторые бенефисы г-жи Арди-Свѣтловой не дали особенно хорошихъ сборовъ. И только второй бенефисъ главн. режиссера г-на Людвигова далъ довольно приличный сборъ. Шла почти лубочная пьеса: „Пожаръ Москвы“. Бенефициантъ имѣлъ большой успѣхъ въ роли Наполеона. Послѣ четвертаго акта его чествовала при открытомъ занавѣсѣ труппа in pleno. Отъ лица послѣдней привѣтствовали бенефицианта рѣчами: гг. Лирскій-Муратовъ, подчеркнутый въ своей рѣчи заслуги г. Людвигова и прекрасныя отношенія его къ своимъ товарищамъ-актерамъ; Шатовъ, привѣтствовавшій бенефицианта отъ лица молодежи труппы. „Шуточное

представленіе извѣстнаго сочинителя Л. Андреева“—„Прекрасныя Сабинянки“ (какъ о томъ гласили оригинальныя афиши, отпечатанныя въ шутиломъ тонѣ) и „Графиня Эльвира“—привлекли массу публики. Пьеса, независимо отъ своего внутренняго содержанія, смысла и намековъ на современныя политическія и общественныя темы, нравы, написана очень удачно, въ совершенно новыхъ—для Андреева—тонахъ. И своимъ комизмомъ и живостью захватываетъ всецѣло зрителя. Пьесу хорошо разыграли г-жи Волконская, Суворина, гг. Лирскій-Муратовъ, Успенскій и др. „Графиня Эльвира“ оказалась пародіей на солдатскій спектакль. Великолѣпны г. Успенскій (гр. Эльвира), г-нъ Горскій (ея дочь). 25 января на сценѣ театра бр. Миняевыхъ на премьерѣ первой, оригинальной армян.-комич. оперы „Леблебджи“, зрительный залъ былъ полонъ. Эта опера никогда еще не шла въ Россіи и инициатива постановки ея принадлежитъ Бакинскому армянскому культурному союзу (художественной секціи). Опера эта написана полвѣка тому назадъ нынѣ уже покойнымъ даров. армян. композиторомъ Чухаджіаномъ. При ея постановкѣ въ Константинополь въ партіи Фатинѣ выступала ветеранъ армянской сцены—а нынѣ уже покинувшая сцену за преклонностью лѣтъ, г-жа Грація, которая присутствовала на спектаклѣ 25 янв. Музыка написана не безъ вліянія иностранной музыки; есть въ оперѣ и чисто-армянскіе мотивы: нѣсколько хоровыхъ номеровъ, арія перваго акта Фатинѣ и др. Сюжетъ незатѣливъ и примитивенъ: герой оперы—„Оръ-оръ-ага“—крестьянинъ, продавецъ жаренаго гороха (леблеби—по-армянски) попадаетъ въ Константинополь изъ деревни, гдѣ все поражаетъ его деревенскія привычки, понятія. Къ его несчастью, столичный жуиръ Хуршудъ-бей, влюбившись въ хорошенькую дочку „леблебджи“, похищаетъ ее. Тщетныя поиски несчастнаго продавца, попытки его отнять дочь у Хуршудъ-бея, рядъ qui pro quo, комическихъ положеній, торжество влюбленныхъ,—вотъ простенькій сюжетъ, переложенный на серьезную музыку. Было жаль потраченныхъ силъ композитора написать музыку—въ общемъ красивую и по характеру серьезную для такого пустаго, комическаго сюжета. Комической сюжетъ оперы „Леблебджи“ и ея серьезная музыка производятъ двойственное, невыгодное впечатлѣніе. Большой успѣхъ имѣли: г-жа Аркадьева—артистка мѣстн. опереточн. труппы (Фатинѣ), пѣвшая текстъ партитуры на армян. языкѣ и весьма успѣшно, г. Амираго (Хуршудъ-бей), г. Араксіанъ—арт. армян. драмы—въ заглавной роли „леблебджи“, создавшій незабываемую комическую фигуру одуряченнаго „леблебджи“. 27 опера была повторена съ тѣмъ же успѣхомъ и при полномъ театрѣ. Состоялись съ больш. успѣхомъ 2 концерта клавесинистки Ванды Ландовской. Впереди концерты: Л. Я. Липковской (24 февраля), Л. В. Собинова (въ мартѣ). Въ бенефисъ г-жи Волконской поставили „Дьявольскую колесницу“. Бенефициантка талантливо провела роль грубой, пустой, чувственной, бессердечной Олимпіады и имѣла успѣхъ. Для закрытія и въ бенефисъ г-жи Никоновой поставили „Въ Золотомъ домѣ“. Публика горячо простила съ труппой, вызывая безъ конца своихъ любимцевъ.

Аршакъ Григорьянцъ.

Кременчугъ. (Отъ нашего корреспондента).

5-го февраля былъ поставленъ для закрытія сезона сборный спектакль: третій актъ изъ „Псиши“, сцена у цыганъ изъ „Живого трупа“, второй актъ (сцена съ кадетами) изъ „Жертвы воспитанія“ и прологъ изъ „Незнакомца“.

Сезонъ оконченъ. На прощаніе отмѣтимъ нѣкоторыхъ изъ артистовъ, какъ напр.: гг. Каратаева (герой-любовникъ), Соколова (характерныя роли), Васильева (режиссеръ) и г-жу Липманъ. Изъ женскаго персонала (12 артистокъ), къ прискорбію, мы отмѣтили черкнули только одну. Правда, можно бы было еще отмѣтить г-жу Пеликанъ, но.. только туалетами.

— Великопостный сезонъ наступаетъ вполне „великопостно“. Не слышно ни о концертахъ, ни о вечерахъ, и только группа украинцевъ готовится поставить вечеръ въ память „роковинъ“ со дня смерти великаго поэта Шевченко. Замеръ даже музыкально-драматическій кружокъ.

Astris.

Отвѣтствен. редакторы: К. А. Ковальскій и А. Ѳ. Линкъ.

Издатель А. Ѳ. Линкъ.

МАКСИМИЛЬЯНЪ ГРАНКЕ.

МОСКВА, Б. Гнѣздииковскій пер., „Альгамбра“.

ЧИТАЙТЕ ВНИМАТЕЛЬНО!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ФАБРИКАТОВЪ.

Настоящимъ имѣю честь довести до свѣдѣнія уважаемой московской и провинціальной публики, что мною открытъ въ г. Москвѣ (Гнѣздииковскій пер., „Альгамбра“) оптовый складъ, на которомъ имѣются фабrikаты первоклассныхъ заграничныхъ фабрикъ.

Мною также получено единственное представительство на продукты **БРИЛЯ** — мясной экстрактъ въ кубикахъ (3, 4 и 5 коп.), отличающіеся необыкновенно тонкимъ и пріятнымъ вкусомъ и питательностью, что подтверждено выдающимися медицинскими авторитетами.

На складѣ постоянно имѣются: различные сорта печеній знаменитой брусельской фабрики „Викторія“ въ изящной и удобной упаковкѣ, настоящіе страсбургскіе паштеты фирмы **A. Michel**, всевозможныя пасты (изъ сардинокъ, килекъ, семги, анчоусовъ и т. д.) извѣстной фабрики **Robig** и **Funk** во Франкфуртѣ и оригинальное итальянское Салами.

Помимо этого особенно рекомендуются вниманію почтеннѣйшей публики контрольныя кассы „Триумфъ“ (отъ 30, 50 и 75 руб.), отличающіяся простотой конструкціи и удобствомъ. Важно для ресторановъ, пивныхъ, гастрономическихъ и колониальныхъ магазиновъ! Строгий и вѣрный контроль!

Ключи для открыванія консервовъ! Просто, удобно!

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ.

Гарантируя быстрое и добросовѣстное исполненіе заказовъ, надѣюсь, что уважаемая публика не оставитъ меня своимъ вниманіемъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

Максимильянъ Гранке.

ПРОШУ УБѢДИТЬСЯ!

МОСКВА.

Финляндія.

ПРОДАЕТСЯ маленькое доходное **ИМѢНІЕ**.

Здоровая, гористая мѣстность, озеро, луга, домъ, постройки, часть въды отъ станціи по шоссе, отъ Петербурга 1½ ч. по жел. дорогѣ.

Цѣна 4,000 руб.

АДРЕСЪ: Москва, Страстной бул., д. Горчакова, подъѣздъ 10-й, кварт. № 119.

Телефонъ 502-19.

ПРОДАЮТСЯ РѢДКІЕ ОФОРТЫ.

Адресъ: Страстной бул., д. Горчакова, редакція „Студія“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1912 годъ на ежемѣсячный литературно-художественный и общественный журналъ

„ПУТЬ“.

Подъ редакціей **И. А. Бѣлоусова**.

Въ ближайшихъ книгахъ журнала появятся произведенія: **И. А. Бунина**, **Максима Горькаго**, **Скитальца**, **Н. Д. Телешова**, **Е. Н. Чирикова**, **А. С. Серафимовича**, **И. С. Шмелева**, **Данилина**, **К. М. Фофанова**, **В. Ладъженскаго** и др. **БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:** 1) Рядъ портретовъ знаменитыхъ людей въ области литературы, науки, искусства и общественной дѣятельности. 2) Художественно-исполненный альбомъ снимковъ съ картинъ изъ жизни писателей. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:** на годъ—3 р., на ½ г.—1 р. 50 к., на 4 мѣс.—1 р. съ перес. и достав. За границу—вдвое. Цѣна отд. №—35 к. Съ перес. въ провинцію—40 к. Подписка принимается, кромѣ редакціи и конторы (можно по телефону), въ конторѣ **Н. Печковской**—Москва, Петровскія линіи, и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ. Адресъ редакціи: Москва, Соколиная ул., д. 22. Телефонъ 89-54. Отдѣленіе редакціи и контора: Москва, Петровка, Богословскій пер., домъ 10, кв. 22. Телефонъ 413-80.

Редакторъ-издатель **И. А. Бѣлоусовъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1912 годъ

на еженедѣльный журналъ искусства и сцены

„СТУДІЯ“

независимый, внѣпартійный органъ художественной мысли и критики въ сферѣ театра, музыки, живописи, ваянія и зодчества, съ иллюстраціями въ текстѣ и картинами на отдѣльныхъ листахъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

К. А. КОВАЛЬСКАГО и А. Э. ЛИНКЪ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и мѣропріятія въ области искусствъ, театра и литературы. 2) Вопросы права и экономики. 3) Вопросы этики. 4) Исторія, философія, литература и статистика искусствъ и театра. 5) Фельетонъ: бесѣды на тему дня, біографіи и воспоминанія дѣятелей сцены, художниковъ, музыкантовъ и писателей, стихотворенія и пьесы. 6) За-недѣлю (хроника Московской и Петербургской жизни). 7) Голоса печати: обзоръ русской и иностранной печати. 8) Петербургскія театральныя, художественныя и музыкальныя письма. 9) Провинціальныя фельетонъ, провинціальныя письма. 10) За-рубежомъ: письма изъ міровыхъ центровъ. 11) Критика критики. 12) Обмѣнъ мнѣній. 13) Народный театр. 14) Дѣтскій и школьный театры. 15) Любительскій театр. 16) Замѣтки режиссера. 17) Письма о балетѣ. 18) Замѣтки археолога. 19) Архитектурный отдѣлъ: отзывы о новыхъ постройкахъ. 20) Былое: памятки, некрологи, старина. 21) Новая постановки, выставки, симфоническіе концерты, концертные вечера, любительскіе спектакли, лекціи объ искусствѣ. 22) Отчеты о сѣздахъ: художественныхъ, театральныхъ, литературныхъ. 23) Свистокъ: карикатура, сатира, пародія и юморъ. 24) Обзоръ музыкальной и художественной Москвы. 25) Библіографія. 26) Почтовый ящикъ. 27) Иллюстраціи, снимки съ картинъ, постановокъ, памятники старины, портреты дѣятелей искусства и сцены, эскизы и декорации, шаржи, архитектурные проекты, снимки съ новыхъ зданій, автографы, музыкальныя рукописи. 28) Письма въ редакцію. 29) Объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ: Ю. Айхенвальдъ, А. С. Андреевскій, Евг. Аничковъ, К. И. Арабажинъ, Н. Архиповъ, проф. Ф. Д. Батюшковъ, А. А. Бахрушинъ, И. Билибинъ, М. М. Блюменталь-Тамарина, академ. П. Д. Боборыкинъ, гр. В. Н. Бобринская, К. Ф. Богаевскій, В. К. Божовскій, Эльза Валери (арт. Гамбург. театра), Д. Д. Варпаевъ, Л. М. Василевскій, М. Ведринская, акад. А. Н. Веселовскій, В. Вересаевъ, Ал. Н. Вознесенскій, Ал. Вознесенскій, В. Воиновъ, князь Сергѣй Волконскій, Dr. K. Hagemann (Hambourg), Аксель Галенъ, О. В. Гзовская, Сергѣй Глаголь, А. Грузинскій, Н. Грушецкій (Лейпцигъ), В. И. Денисовъ, М. Добужинскій, Dr. A. Dostmann (Berlin), Н. Евреиновъ, В. Е. Ермиловъ, А. Журинъ, А. Л. Загаровъ, проф. Э. Зѣлинскій, Б. И. Ивинскій, А. А. Измаиловъ, И. Н. Игнатовъ, А. Иернфельдъ, Н. И. Юрданскій, С. Коненковъ, М. Н. Климентова-Муромцева, К. и О. Ковальскіе, П. Коганъ, П. Кожевниковъ, Ф. Ф. Коммисаржевскій, В. П. Колонійцовъ, I. Кордесъ, В. Ф. Коршъ, академ. Н. А. Котляревскій, В. П. Крахфельдъ, Н. Д. Красовъ, С. Кусевицкій, Вл. Лебедевъ, Б. Лебедевъ (Англія), Е. А. Ленина, М. Ликиардопуло, А. Ф. Линкъ, И. Латту, Н. Лопатинъ, Н. А. Малько, П. Н. Мамонтовъ, М. Л. Мандельштамъ, С. П. Мельгуновъ, Н. Молленгаузъ, Ф. Г. Мускатблитъ, С. А. Найденовъ, М. П. Невѣдомскій, С. В. Ноаковский, Л. Никулинъ, академ. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, К. В. Орловъ, М. Орловъ, М. Осоргинъ (Италія), А. В. Оссовскій, Э. Пименова, В. М. Пичета, Г. В. Плехановъ, Т. И. Польшнеръ, Н. А. Поповъ, С. Разумовскій, О. Риземанъ, приватъ-доцентъ Н. И. Романовъ, И. Рубиновъ (Нью-Йоркъ), проф. П. Н. Сакулинъ, В. Сахиовскій, И. Сауъ, А. Серафимовичъ, В. Н. Соловьевъ, М. Смирновъ, А. А. Санинъ, А. А. Стаховичъ, А. Сулержицкій, князь А. И. Сумбатовъ-Южинъ, П. П. Соболевъ, Dr. L. Feuchtvanger (München), А. Таировъ, Н. И. Тимковскій, Д. И. Тихоміровъ, М. Ткачуковъ, М. М. Томашевскій, Я. Тугенхольдъ, В. М. Устиновъ, В. М. Фриче, Е. Чириковъ, приватъ-доцентъ С. К. Шамбинаго, Т. Щепкина-Куперникъ, В. Шулятиковъ, А. Яблоновскій, В. Язвицкій (Болгарія), Н. Эфросъ, Эльскій.

ПЕРЕМѢНА АДРЕСА 20 КОП. ~~СЛОВА~~ Подписной годъ считается съ октября по октябрь

Цѣна отдѣльнаго экземпляра **25** коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: СЪ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ.

	Въ Москвѣ и С.-Петербургѣ.	Въ провинціи.	Заграницу.
на 12 мѣсяцевъ	Руб. 8.— к.	Руб. 9.— к.	Руб. 11.— к.
„ 6 „	„ 4.— „	„ 4.50 „	„ 6.50 „
„ 3 „	„ 2.— „	„ 2.25 „	„ 3.50 „

Подписка принимается: въ конторѣ журнала „Студія“, въ книжныхъ магазинахъ „Новое время“, въ магазинѣ „Россійскаго Музыкальнаго Издательства“, въ конторѣ Печковской (Петровскія лин.) и въ конторѣ типографіи П. П. Рябушинскаго, Путинковскій пер., соб. домъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ: Страстной бульваръ, д. князя Горчакова, 10 подъѣздъ, кв. № 119. Телеф. 502-19. Контора, кромѣ праздниковъ, открыта отъ 10—4 ч. дня.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ и ПОДПИСКА для С.-ПЕТЕРБУРГА: Книгоиздательство наследниковъ О. Н. ПОПОВОЙ Гороховая, 51.

Цѣна объявленій: впереди текста **70** коп. строка петита.
позади текста **50** коп. „ „

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА „СТУДИЯ“: Петербургъ, Т-во изд. дѣла и кн. торговли О. Н. Поповой, Гороховая ул., 51. Кіевъ, кн. маг. Д. Идзиковскаго (Крещатики), Харьковъ, кн. маг. артели газетчиковъ, И. Швагина (Московская, 2) Одесса, потный маг. Г. и О. Бальцъ, Дерibasовская, 19 и кнжн. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерibasовская, 20. Саратовъ М. П. Ткачуковъ (конт. газ. „Саратовскій Вѣстникъ“). Севастополь, кн. маг. Е. Н. Протопоповой (близъ „Сѣверн. част.“). Н.-Новгородъ, 1) кн. маг. „Книжный музей“, 2) муз. маг. „Аккордъ“ (Б. Покровка, д. Кемарскаго). Кременчугъ, Н. Михновскій (Докторская ул., д. 35). Тула, кн. маг. „Весна“ (Кіевская ул.). Екатеринославъ, Бюро періодическихъ изданій А. М. Плоткинъ и Сынъ.